

ГОРЬКИЙ — К. А. ТРЕНЕВ

В писательской судьбе Константина Андреевича *Тренева* (1876—1945) Горький сыграл очень большую роль. По собственному признанию Тренева, Горький был его «великим учителем».

«Огромное значение в моей литературной биографии,— писал впоследствии Тренев,— имел М. Горький, откликнувшийся с о. Капри на посланную ему вещь <пьесу „Дорогини“.—*Ред.*> с горячим сочувствием и с изумительной лаской, ободрившей меня в тяжкие минуты. Полагаю, что без этих ободрений я едва ли начал бы серьезно писать. Очень уж мало верил в свои силы» («Писатели. Автобиографии и портреты современных русских прозаиков». Под ред. Вл. Лидина. М., «Современные проблемы», 1926, стр. 310).

Переписка между Горьким и Треневым началась в 1911 г., после того как Тренев послал на Капри свое первое крупное драматургическое произведение — «Дорогини».

Горький, указав в ответном письме на недостатки пьесы, писал автору: «Пьеса ваша кажется мне вещью талантливой и умной...» (т. 29, с. 161).

Почувствовав в Треневе несомненное дарование, Горький стремится привлечь его к сотрудничеству в различных литературных изданиях. «Зачиная новый журнал, поимели бы вы в виду Тренева: его следует извлечь из педагогики,— человек умный и может быть прекрасным работником»,— пишет Горький В. С. Миролюбову в 1911 г., в период организации журнала «Заветы» (т. 29, с. 208).

Переписка Тренева с Горьким продолжалась вплоть до марта 1936 г. С Горьким Тренев неоднократно встречался. Последняя их встреча состоялась в начале апреля 1936 г.

О своем знакомстве с Горьким Тренев рассказал в статьях «Великий учитель», «Великий патриот», «Из прошлого», «Последняя встреча» (см. в кн.: К. А. Т р е н е в. Избранные произведения в двух томах, т. II. М., Гослитиздат, 1955), а также в воспоминаниях «Мои встречи с Горьким» (см. в кн.: «М. Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955).

Восемь писем Горького Треневу опубликовано в Собрании сочинений Горького (т. 29, №№ 523, 568, 576, 617, 692, 705, 718, 723).

Ниже публикуется одиннадцать писем Горького Треневу и двадцать шесть писем Тренева Горькому. Из писем Тренева четыре письма (19, 20, 22, 23) были напечатаны в сб.: «М. Горький. Материалы и исследования», ч. 1. Л., Изд-во АН СССР, 1934; одно— (письмо 8) — в «Молодой гвардии», 1958, № 6.

1

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

«Симферополь. Март, после 10 — июнь 1911 г.»

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Спасибо вам сердечное за ваше письмо. Мне крайне неловко, что первое письмо мое носило как будто бесцеремонный характер. Главное же, отправивши письмо, я вспомнил, что не попросил вас указать вообще на промахи в пьесе ¹, и этим изрядно терзался. А вам пришлось извиняться за поразившее меня внимание к пьесе ².

Пьесу исправлю в указанном вами смысле.

Заголовок, точно, и громоздкий, и кричащий ³. Но как ее назвать? Извините, что задаю вам этот вопрос, но я над ним и прежде до такой степени ломал голову, что легче бы, кажись, новую пьесу написать. Не считите за назойливость, но если бы вы дали ей имя, какое вам первое подвернется! Я был бы сугубо счастлив.

Разговоры героев с собою постараюсь изъять ⁴. Не знаю только, как извернусь в финале пьесы. Опять-таки скажу в оправдание себя: смущали они меня, когда я писал их. Но, представьте, это смущение рассеял во мне — мое евангелие — Чехов! Ведь у него ни одна пьеса не обошлась без нескольких таких разговоров. Для примера укажу хоть на след^{ующие}: Иванов в III-м д., Нина в «Чайке» во II-м д. и Треплев в IV-м, в «Дяде Ване» Соня во II-м, Елена в III-м. Есть они и в «Трех сестрах», и в «Вишн^{евом} саде». О репликах «в сторону» уж и не говорю. А может, на этом основании и мой можно оставить или только посократить? Меня смущают еще подчас длинные монологи, на которые указывали мне актеры как на задерживающие ход пьесы.

Ваше намерение предложить пьесу Станиславскому растрогало меня, однако на практические от этого последствия я, признаться, не надеюсь. Дело в том, что экземпляр пьесы уже не 1-й месяц лежит в Художеств^{енном} театре, и мне не только не ответили, но даже просьбу мою возвратить пьесу, просьбу, подкрепленную почтовыми марками, оставили без удовлетворения. Пьеса была отправлена туда через знакомого сотрудника московских газет. Была на руках у какого-то Лякиардопуло ⁵ (кажется, так фамилия), и не могу с уверенностью сказать, читал ли ее Станиславский.

Посылалась пьеса также к Незлобину ⁶ и Коршу ⁷. У первого ответили, что некогда читать, у второго не понравилась дочери. Давал еще двум провинциальным труппам: в одной ответили, что ставят только пьесы столичных авторов или поставленные на столичной сцене, в другой возвратили без объяснения причин. Т^{аким} о^{бразом} я основательно убедился, что ходы на сцену для меня, независимо от качества пьесы, плотно закрыты: в провинцию пьеса может попасть только с высоты столичной сцены, а на столичную сцену взобраться самостоятельно, без сильной посторонней помощи — все равно что на небо. После этого я и решился представить ее на ваш суд с просьбой, если найдете достойной, поместить ее в сборнике «Знания». Т^{ак} к^{ак} в вашем письме нет ответа на эту просьбу, то, рискуя оказаться назойливым или намеренно непонявшим вашего деликатного умолчания, я опять-таки обращаюсь с нею: если возможно принять ее, допустив крайнюю степень снисхождения, то примите. Если пьеса этого не стоит, значит, туда ей, пустоцвету, и дорога. Уничтожу ее с чистой совестью. Значит, не судьба... Да, судьба... Очень постыдно жаловаться на судьбу, да еще в вашем присутствии, а удержаться не могу. После того как оказалось, что, во-1-х, вы уже немножко знаете меня со слов Виктора Сергеевича ⁸, а во 2-х, оказалось, что у вас, столь осаждаемого людьми, хватает теплого участия для всех, мне, как ребенку плакать, захотелось сказать вам два слова об этой самой своей «судьбе». Так фатально не дается счастье делать желанное дело — писать, что нахожусь на грани отчаяния.

Жизнь так сложилась, что приходится уделять по 12 час^{ов} в сутки одуряющему педагогическому труду ⁹. Нет времени, главное же — нет веры в себя и в возможность выбиться. Пользуясь вашим вопросом, пишу ли рассказы, — иллюстрирую свое положение хотя бы с этой стороны. Тут моя «карьер» вся связана была с деятельностью Виктора Сергеевича. Отбившись от этого берега 1905-м и смежными годами ¹⁰, я в 1908 г., наконец, пристал было к нему: послал Виктору Серг^{еевичу} небольшой рассказ. Он так тепло приветствовал возвращение блудного сына и немед-

ленно напечатал рассказ. Но это было уже в последней книжке «Трудового пути»¹¹. С прекращением издательской деятельности Викт(ора) Серг(еевича) закрылся и для меня доступ в столичн(ые) журналы, т(ак) к(ак) у меня там ни души знакомых.

С ужасом вижу, как с каждым днем дальше уходит возможность выбиться.

С получением вашего письма воскрес и к вам тянусь за спасением.

Обладаю очень сомнительным здоровьем — весну прохворал и в течение 2-х месяцев лишен был возможности написать вам — все это тоже крайне осложняет борьбу.

Не бросьте меня, Алексей Максимович!

Низко кланяюсь вам.

К. Т р е н е в

Адрес: Симферополь, гимназия Станишевской, Константину Андреевичу Треневу.

Датируется по письму Горького Треневу (март, не ранее 4-го, 1911 г., см. т. 29, № 523), ответом на которое является данное письмо, а также и по содержанию.

¹ Пьеса «Отчего порвались струны?» (позднейшее название — «Дорогини»), посланная Треневым Горькому. Пьеса была издана литографским способом в 1910 г., к печати разрезана 26 октября 1910 г.

² В указанном выше письме Горький, отмечая недостатки пьесы, писал: «Извините за советы, не прощенные вами» (т. 29, с. 162).

³ В письме к Треневу Горький не писал о заглавии пьесы. Но сохранилась его запись на полях рукописи Тренева: «„Отчего порвались струны?“». Заголовок тяжеловат и как будто немного претенциозен. Не находите? Да ведь и не ясно: в конце концов — „отчего“ же» («М. Горький. Материалы и исследования», т. III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 51. Это замечание Горького было ошибочно опубликовано как записка Миролюбову).

⁴ «Герои ваши иногда разговаривают сами с собою,— писал Горький,— прием старый, неправдивый, от него уже отказались драматурги, что и было необходимо. После Ибсена и Чехова — неловко прибегать к этому приему» (т. 29, с. 161—162).

⁵ Возможно — Михаил Федорович *Ликийдопуло* (ум. 1925), переводчик.

⁶ Незлобин (псевдоним Константина Николаевича *Алябьева*, ум. 1930) — организатор и владелец «Театра Незлобина» в Москве.

⁷ Федор! Адамович *Корш* (1852—1921) — основатель и владелец драматического театра в Москве.

⁸ Виктор Сергеевич *Миролюбов* (1860—1939) — издатель и редактор ряда демократических журналов и сборников. Критика отмечала, что Миролюбов первый «оценил безвестного Тренева» («Биржевые ведомости», 1915, от 14 июля). Тренев опубликовал в «Журнале для всех», издававшемся Миролюбовым, рассказы «На извозчике» (1903, № 2) и «Человек» (1903, № 7). Он неоднократно печатался в журналах Миролюбова «Трудовой путь» (1908), в «Заветах» (1912—1914), в «Ежемесячном журнале» (1914—1916).

Подробнее о взаимоотношениях Тренева и Миролюбова см. в «Литературном архиве», вып. 5. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 189—225. В 1908 г., в связи с привлечением к судебной ответственности за издательско-редакторскую деятельность Миролюбов уехал за границу.

В то время, когда было написано это письмо, В. С. Миролюбов находился на Капри, участвуя в редактировании сборников «Знание» и литературно-художественного отдела «Современника», позднее — «Заветов».

⁹ Педагогическую деятельность Тренев начал в 1904 г. в Новочеркасске в учительской семинарии. Затем он преподавал в Симферополе — в женской гимназии Станишевской, в мужской гимназии Волошенко. На педагогическом поприще Тренев оставался вплоть до 1931 г., до своего переезда из Симферополя в Москву. В советский период он преподавал на рабфаке. См. также письмо 8.

¹⁰ Тренев здесь имеет в виду свою деятельность в годы первой русской революции в качестве газетного работника, публициста. С декабря 1905 по октябрь 1906 г. Тренев был редактором новочеркасской газеты «Донская жизнь».

В 1907 г. Тренев за статьи и фельетоны, опубликованные в газете «Донская жизнь» (Новочеркасск) и содержащие резкую критику черносотенной реакции, администрации и духовенства, был выслан за пределы Донской области в гор. Волчанск «в видах пользы службы», где пробыл до 1909 г.

¹¹ Рассказ Тренева «В консистории» был напечатан в журнале «Трудовой путь» (1908, № 1), который выходил вместо закрытого «Журнала для всех».

2

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 12 июля 1911 г.⟩

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

До последних дней изыскивал я благоприятствующие обстоятельства, чтобы воспользоваться вашим душевным приглашением на Капри¹.

Теперь с огорчением увидел, что таких обстоятельств нет. Пытался пристроиться еще к одной из итальянских экскурсий — оказалось — опоздал. А как хотелось увидеть вас. Я ведь и в России не видал вас, не удалось. Но такое тепло в вашем письме, что даже неловкость появления перед вами в качестве чужого, незнакомого лица не пугала. Очень уж близки и дороги мне стали вы (простите, если это сентиментально. Но ведь даже Леонид Андреев где-то писал недавно, что боится быть сентиментальным, вспоминая, чем вы были для него при первых его шагах в литературе)². Ожил я теперь, и хочется верить в успех той работы, которой так неудержимо тянет отдаться.

Покамест же злочастье мое все в том же: с августа опять надеваю 12—15-ти часовую лямку педагога, из которой не вылезть уж до нового лета. И когда читаю о вашем намерении, в случае моего приезда, поговорить со мною в том направлении, чтобы «извлечь меня из педагогики и вонзить в литературу», глубоко скорблю, что этот разговор не состоялся.

До ваших и Виктора Сергеевича писем смотрел на свое учительство как на печальную, но неминуемую, суженую дорогу, а теперь уж эта дорога с непрерывным дождем тетрадей кажется грубым над собой насилием.

А все же впереди как будто свет и нет прежнего холодного отчаяния (не выдало бы только здоровье).

Получил радостное уведомление от Викт⟨ора⟩ Серг⟨еевича⟩, что пьеса понравилась и что он напечатает ее. Делаю указанные поправки.

Там же он сообщает, что вы потребовали пьесу для прочтения кому-то из администрации Худож⟨ественного⟩ театра³. Как я уже писал вам, они пьесу игнорировали, и потому я на этот счет не питаю особенных иллюзий. Но если бы, паче чаяния, ваша рекомендация спасла пьесу от бесповоротного отвержения ее Станиславским, если бы она была признана годной при условии самой серьезной обработки, то, конечно, я за таковую, согласно указаниям, принялся бы с наслаждением. Во всяк⟨ом⟩ случае, до вас покорнейшая просьба — осведомить меня о мнении Станиславского.

Стыдно мне искренне, что злоупотребляю вашим вниманием и надоедаю вам своей особой да еще и просьбой.

Спасибо вам за ласку! Отогрели вы человека.

Глубоко уважающий вас

К. Т р е н е в

12.VII.11.

Адрес: Симферополь, Новый город, д. Чудновской, Конст⟨антину⟩ Андр⟨еевичу⟩ Треневу.

¹ Письмо Горького не обнаружено.

² См. «Автобиографию» Л. Андреева. — Сб. «Первые литературные шаги». М., изд. Ф. Ф. Фидлера, 1911, стр. 31—32.

³ В начале июля (до 5-го) 1911 г. Горький обратился к В. С. Миролубову с просьбой срочно прислать рукопись пьесы Тренева «Отчего порвались струны?», чтобы показать ее находившемуся в это время на Капри администратору Художественного театра Н. А. Румянцеву (т. 29, № 530). См. письмо 6.

3

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

⟨Капри. Между 18 и 28 июля
/между 31 июля и 10 августа 1911 г.⟩

Дорогой Константин Андреевич!

Пьеса ваша прочитана мною Н. А. Румянцеву, администратору и члену совета М⟨осковского⟩ Х⟨удожественного⟩ театра, но Румянцев ее не одобрил, находя, что-де:

пьеса грубовата, в теме и главных характерах — не нова, оригинально задуманы и исполнены в ней два лица: Багрецов и Пистоненко, причем первый — не дописан.

Относительно Багрецова и я скажу: вы преждевременно свели его со сцены и придали слишком шаржированный характер его беседе с мужиком и бабой, усмотревшими в нем прорицателя и блаженного. Сие — мне кажется — очень верным по существу и весьма серьезным по смыслу¹.

Где пойдет пьеса — еще не знаю, это решит В⟨иктор⟩ С⟨ергеевич⟩ совместно с Пятницким².

Спасибо вам за ваше доброе письмо и доверчивое отношение ко мне, но — знали бы вы, как грустно мне читать о «тетрадках», «насилии над собою» и т. д. Настроения — знакомые; тяжесть их мною, своевременно, была взвешена и горечь — испытана. И каждый раз, когда получаешь письмо, вашему подобное, — в среднем это бывает дважды в неделю, — болит душа печалью за русского писателя, входящего в литературу обыкновенно уже с ободранной кожей сердца.

А что, рассказа не написали вы?³ Надо бы!

Жаль, что не можете попасть сюда, очень жаль!

Недавно был здесь славный парень Сургучов⁴, живет Золотарев⁵, вчера уехала Ольга Рунова⁶, скоро жду Бунина⁷ и, вероятно, еще некоторые писатели явятся.

В общем — не скучаем, пишем, строим планы, — пожелайте, чтоб осуществились!

Крепко жму руку.

А. Пешков

Датируется на основании писем 2 и 4.

¹ Оценку «Дорогинных» см. также в письме Горького В. С. Миролюбову (т. 29, № 531).

² Константин Петрович Пятницкий (1864—1938) — директор-распорядитель издательства «Знание».

³ Этим же вопросом («А рассказы не пишете больше?») заключал Горький одно из предшествующих своих писем Треневу (см. т. 29, с. 162).

⁴ Илья Дмитриевич Сургучев (р. 1881) — прозаик и драматург. Печатался в изданиях «Знания». Позже отошел от демократических позиций. В 1921 г. уехал за границу, примкнув к лагерю белой эмиграции.

⁵ Алексей Алексеевич Золотарев (1878—1950) — писатель и краевед, участник сборников «Знание». В 1908—1909 гг. и в 1911—1914 гг. жил на Капри.

⁶ Ольга Павловна Рунова (1864—1952) — писательница. Автор книг «Утреннички». М., 1905; «Лихие подарки». М., 1910; «Летящие тени». СПб., 1912; «У корня». М. — Л., 1926, и др.

⁷ Бунин с женой приехали на Капри в ноябре 1911 г.

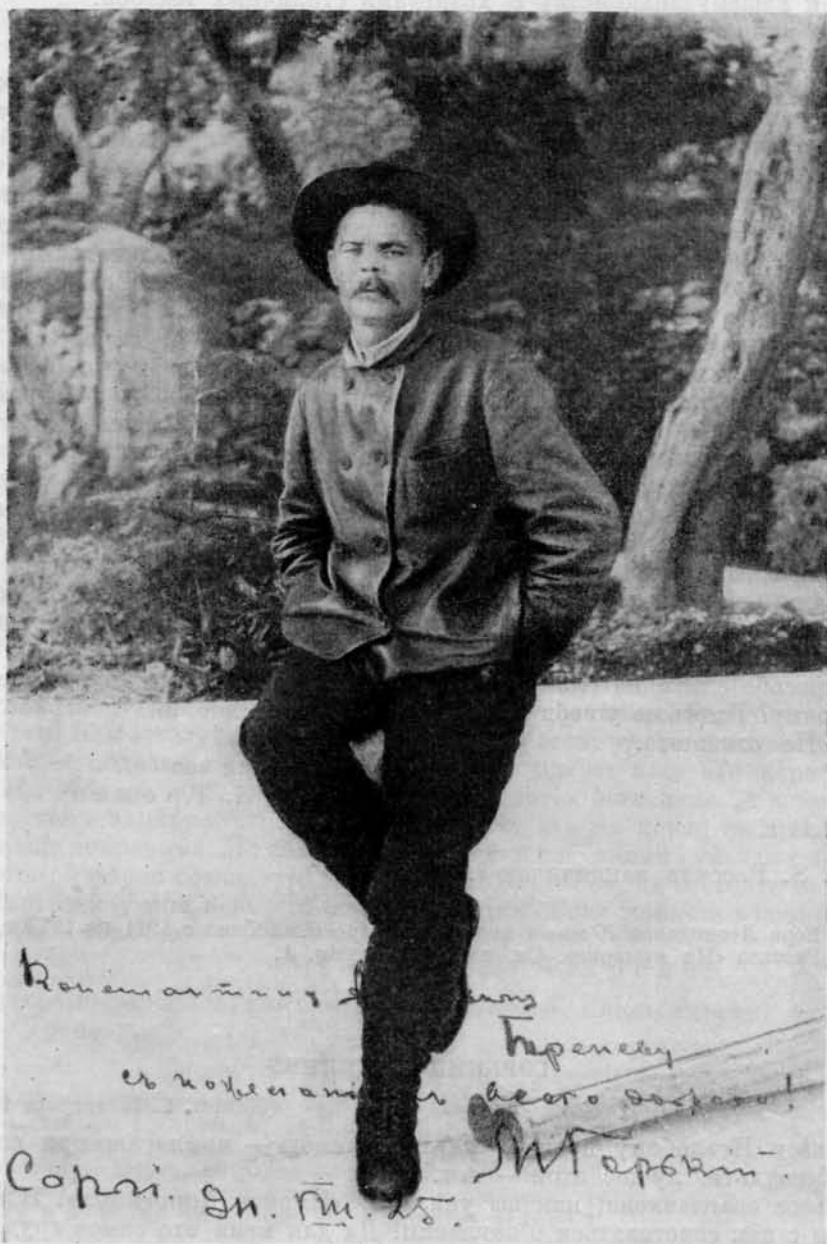
4

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 3 августа 1911 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Письмо ваше с ответом Румянцева меня, конечно, не огорчило, т⟨ак⟩ к⟨ак⟩ на такой приблизительно отзыв о пьесе я и «рассчитывал».

ГОРЬКИЙ

Фотография, Капри 1910 г., с дарственной надписью:
«Константину Андреевичу Треневу с пожеланием всего доброго! М. Горький.
Сарг. 911. VII. 25»

Музей Горького, Москва

Но я на этом не унимаюсь и беспокою вас просьбой, прицепившись-таки к вашему знакомству с хозяевами столичных театров.

Не найдете ли вы возможным отправленный вам экземпляр пьесы в переделанном виде препроводить Незлобину.

Я знаю, что если только нет каких-л<ибо> независящих препятствий, вы сделаете это. Но отважился я на эту просьбу, все-таки предварительно набравшись развязности. Будет больно причинить вам этой просьбой малейшее огорчение.

Пьесу я переделал. Вот главнейшее в переделке: по возможности смягчил весь тон пьесы и особенно Ольгу в ее отношениях к мужу. Выпустил разговоры действующих лиц с самими собою, кое-где разместив их в диалоги. Вычеркнул и выправил в разговорах книжность. Вставил некоторые сцены. В результате всего этого она мне представляется как будто грациозней, естественней. Подумавши над Багрецовым, я увидел, что выражал слишком легкомысленное к делу отношение этой сценой с паломниками, да и оборвал его насильственно. Поэтому вывел его в 3-м действии. Как назвать пьесу — не знаю. Если можно, напр<имер>, «Имение Дорогих» или что-н<ибудь> подобное, то благословите.

Обращаюсь к вам насчет Незлобина по след<ующему> поводу. Случайно встретившись с его намеченной на этот сезон премьершей Юреновой¹, я дал ей почитать пьесу, и она одобрила. Но сама, как новичок там, не решается предложить ее от себя.

Будьте здоровы. Горячо желаю вам осуществления планов ваших. Как хочется видеть вас... А как там погода в конце декабря и в январе?

Письмо еще одна (тоже после колебаний), не приплете ли мне вашу карточку? Иметь ее у себя на столе — мое интимное, значительное желание. Не откажите.

Глубокоуважающий вас

К. Т р е н е в

3/VIII.11 г.

Р. С. Рассказ заканчиваю². Боюсь.

¹ Вера Леонидовна Юренина играла в театре Незлобина с 1911 по 1917 г.

² Рассказ «На ярмарке». См. письмо 7, прим. 1.

5

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

<Капри. 12/25 августа 1911 г.>

Пьесу Незлобину послал, карточку свою — прилагаю при сем¹, — не обессудьте, лучше этой — нет.

Пьеса озаглавлена, как вы указали: «Имение Дорогих». И нашли же вы с кем советоваться о заглавии! Да для меня это самое трудное.

Очень жду рассказа. Думается мне, что это более ваша сфера, чем драма.

Помимо того, что драма — труднейший род искусства, — как писать драмы в стране, где нет сильных характеров и человек неопределенен в рисунке своем, яко облако в ветряный день?

Приветствую, желаю всяческих успехов.

А. П е ш к о в

Датируется по фотографии, посланной Горьким Треневу.

¹ Горький послал Треневу свою фотографическую карточку с надписью: «Константину Андреевичу Треневу с пожеланием всего доброго! М. Г о р ь к и й. С. 911. VIII. 25» (Музей Горького, Москва).

6

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Симферополь. 6 октября 1911 г.〉

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Спасибо вам за вашу карточку. Я написал рассказ ¹, который не решился непосредственно представить вам. А отправил сначала на усмотрение Виктора Сергеевича ². Так как получил от него уведомление, что рассказ будет напечатан, то заключаю, что он не безнадежно плох и не будет большой развязностью с моей стороны просить вас прочесть его и указать мне его достоинства и недостатки. Экземпляра у меня на руках нет, но, если позволите, я напишу об этом Виктору Сергеевичу, или, м<ожет> б<ыть>, при оказии вы сделаете это сами?

Пишу к вам с щемящею болью в сердце: в газетах с августа мес<яда> дважды промелькнули глухие заметки о некот<ором> ухудшении в вашем здоровье и о том, что вы тоскуете по России ³. Лично мне почти дослез тяжело было читать об этом. Алексей Максимович, родной наш! Как вас любят в России... Я стал напряженно зорко прислушиваться к этому, вообще к установившимся отнош<ениям> к вам грамотной публики со времени получения первого письма от вас ⁴. Какую большую борозду провели вы своей личностью в русской душе... Какая стихийная серьезность в отношении к вашему имени! Даже к вашим признанию «неудачным» произведениям (именно на них это сказывается) относятся с исключительно почтительною вдумчивостью. Так в России относятся только к «заблуждениям» Толстого. Тут уж мистика...

Ну, не взыщите за непрошенное сообщение. Приходилось читать и слышать, что популярность ваша менее всего вас всегда интересовала. Но ведь это вовсе не популярность. Это нечто уже органически глубокое. Ну, да что там! Вам это лучше знать. Пишу это не затем, чтобы осведомить вас, а просто — поделиться впечатлениями. Благодарю вас, что переслали пьесу Незлобину, но... должно быть, не клюет... Молчание. А с печатанием ее тоже заминка ⁵. Виктору Сергеевичу все же конец не нравится. Это бы еще поправимо. Но там, пишет он, что в ред<акции> указан еще ряд недочетов. Ужасно боюсь, что закроют они ее совсем, не отстоять ее Виктору Сергеевичу при всем его сочувствии мне. Если найдете возможным, замолвите словечко.

Любящий вас К. Т р е н е в

Адрес: Симферополь, гимназия Станишевской, Конст<антину> Андр<еевичу> Треневу.

6/Х.

¹ «На ярмарке». См. письмо 7, прим. 1.

² См. письмо 1, прим. 8.

³ См. письмо 7, прим. 3.

⁴ Письмо от марта, не ранее 4-го, 1911 г. (т. 29, № 523).

⁵ Пьеса «Дорогиня» была опубликована в «Заветах», 1912, № 3. Постановка ее в МХАТе и в театре Незлобина не осуществилась.

7

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

〈Капри. 14—16/27—29 октября 1911 г.〉

Константин Андреевич!

Вы не обидитесь, если я скажу вам, что ваш хороший очерк ¹ написан небрежно и прескучно?

Первые же два десятка слов вызывают у меня это вполне определенное

впечатление скуки и — не могут не вызвать, ибо посмотрите, сколько насыпано вами свистящих и шипящих слогов: — св, ст, с, со, сл, ще, ца, ща, че, че, затем четыре раза сядет в уши один и тот же звук ог, от, ог, од.

Трижды в одном предложении вы употребляете слово «сторона», в нем же даете три числительных — «одной», «двух», «четвертой» — и все это нагромождено в двадцати двух словах.

Нет музыки языка, и нет точности, хотя сказано: «одной стороной», «с двух сторон», «четвертой стороной», — может быть, это хорошая геометрия, но — плохая пластика, и я площадь эту не вижу, не вижу потому, что ее границы показаны очень небрежно; две линии мещанских домов — это будет улица, а затем один ее конец уйдет в поле, другой упрется в торговые ряды, и для площади нет места.

Вот это, если вы позволите, я бы и назвал небрежностью, и очерк ваш презобилюет этим: всё русский язык и вдруг — «перпендикулярно», а дядя Терешко у вас идет, не встав на ноги, как сидел, так и пошел.

А за слогосочетаниями вы совершенно не следите: «вшихся», «впимихся» — очень часты у вас. Все эти вши, щипы и прочие свистящие и шипящие слога надобно понемножку вытравлять из языка, во всяком случае, надобно избегать их, по возможности. «Слезящийся и трясущийся протоиерей» — разве это хорошо, метко?

И вдруг — канцелярия: «в сношениях имений телефон нашел применение!» А если земство или верблюд понадобились вам, так вы раз по пяти скажете в одном и том же месте: верблюд! — точно вам его продать хочется, — земство! — словно вы оного противник и все зло истекающим от него видите.

Нет, вы язычком займитесь, это вам необходимо!

Это написано третьего дня, по прочтении вашего рассказа; написано и передано В<иктору> С<ергеевичу> ², так что, пожалуй, вы злую мою рецензию в двух экземплярах получите. Но, получив письмо ваше, уже не боюсь, что вы рассердитесь на меня. Слушайте, К<онстантин> А<ндреевич>, — вам необходимо пресерьезно заняться языком, — этого настоятельно требует свойство дарования вашего! Побольше четкости, точности, а красота, музыкальность сама придет.

Слухи об умирании моем преждевременны. И — ох! — как мне надоели эти постоянные сведения о тоске моей по родине! Буду вынужден ругаться.

Недавно «Живое слово» наляпало статью — даже две ³, — приглашает русское о<бщест>во просить «Государя Импер<атора>», дабы он меня «простил», — вы подумайте, каково мне читать эдакие пошлости! И — как не стыдно авторам оных: еще недавно один из отличных писателей наших С. Я. Елпатьевский, старик, 70 лет почти! — год целый в Крестах сидел ⁴ и никто не охнул — позор! Тан ⁵, тоже много старше меня и отнюдь не более здоровый парень, — тоже в тюрьме — и об этом молчат!

Нелепо все это, нелепо и волнует. А — пожалуй — и пугает немножко, так как в этих выходах полуграмотных людей нельзя не видеть понижения гражданского чувства в российском обществе.

Измучен историей Куприна — Райляна ⁶, со страхом беру в руки русские газеты, ожидая самых печальных происшествий.

До смерти жалко Ал<ександра> Ив<ановича> и страшно за него.

На днях спрошу Незлобина о пьесе ⁷.

А напечатана она будет, кажется, в «Знании», впрочем, не знаю, сие дело Викторово ⁸.

Будьте здоровы и — пишите.

Язык! Обязательно!

Не думайте, что придираюсь к мелочам, отнюдь нет!

Жму руку. А. Пешков

Датируется по содержанию и письму 8.

Было опубликовано в т. 29, № 568, в сокращении и с некоторыми неточностями. В основу публикации был положен текст письма, приведенный в статье Тренева «Великий учитель» («Молодая гвардия», 1936, № 8, стр. 128—130).

В наст. томе письмо Горького публикуется целиком по автографу, переданному в АГ Н. К. Трениной.

¹ Рассказ Тренева «На ярмарке». Впервые опубликован в «Заветах», 1913 г., № 1. Был подвергнут значительной авторской переработке соответственно с замечаниями Горького о языке рассказа. См. также письмо 10, прим. 2.

² В. С. Миролюбову.

³ Речь идет о статьях П. Ордынского «В защиту изгнанника» и П. В. (Мурашова) «Заметки на полях», опубликованных в газете «Живое слово», 1911, № 31, от 3 октября. В этих статьях содержалось предложение обратиться к царскому правительству с петицией о разрешении Горькому вернуться на родину.

Письмо Горького к редактору газеты с протестом против помещения этих заметок было опубликовано в «Живом слове», 1911, от 24 октября (см. т. 29, № 553).

⁴ С. Я. Елпатьевский (1854—1933) был осужден в 1910 г. на год заключения в Петропавловской крепости за брошюру «Земля и свобода» (СПб., 1906). См. об этом в кн.: С. Я. Елпатьевский. Воспоминания за 50 лет. Л., 1929, стр. 352—357.

⁵ Владимир Германович Богора-Тан (1865—1936) — этнограф, филолог и писатель. В прошлом участник народофильского движения, неоднократно подвергался арестам.

⁶ 24^я сентября 1911 г. в петербургской газете «Против течения» был опубликован фельетон издателя журнала «Свободным художествам» Фомы Райляна «Новелла», содержащий клеветнические измышления по поводу личной жизни А. И. Куприна. Предполагалась дуэль между Куприным и Райляном. Эпизод получил огласку в ряде русских газет.

Горький в письме к В. Л. Львову-Рогачевскому (ноябрь 1911 г.) писал: «Что за ужас этот инцидент Куприна — Райляна и неужели около Александра Ивановича нет никого, кто посоветовал бы ему хотя бы на время выехать из России» (АГ).

⁷ «Дорогини».

⁸ В. С. Миролюбов.

8

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 16—17 ноября 1911 г.⟩

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Прочитав ваш уничтожающий отзыв ¹ о стиле и языке моего рассказа, немедленно написал Виктору Сергеевичу, чтобы выслал мне рукопись для тщательного исправления. Письмо послано 23-го октября. А за неделю перед этим, 16-го, я с той же просьбой обратился насчет пьесы.

Сегодня — 16 ноября, но ни рукописей, ни каких-либо известий не имею. Испытываю некоторое тяжелое беспокойство.

Спасибо за обстоятельное указание и разбор моего стилистического порока. Но не скрою, что читать об этом невесело было. Прежде всего — я не знал, что у меня такой скверный язык. И когда я писал этот рассказ, то на эту сторону, действит(ельно), мало обращал внимания. Хотя чувствовал на первых его страницах, что выражения мои выходят очень уж неуклюже, не слушаются меня (между прочим, та самая площадь, которую вы в моем описании не могли представить, написана мною по наивному методу армянских загадок: «чтоб трудней было узнать»). Дело в том, что списывал я с действительно существующей площади и вот, чтоб не узнали, нарочито напутал... Пусть представляют, кто как хочет. Неостроумно-таки получилось... Но потом мне показалось, что я-таки овладел языком и в такой уверенности пребывал, работая над двумя последними третями рассказа. И до сих пор для меня стоит вопрос: весь ли рассказ так плох по языку, как начало, или не весь? Дело-то в том, что и примеры ваши приведены только из начала рассказа.

Но у вас в письме есть одно слово, которое меня прямо до полусмерти прихлопнуло: «очерк написан небрежно и прескучно». Ведь это «прескучно»

касается уже не только языка, а всей формы рассказа? А это пахнет для меня очень скверным. Я, конечно, не обольщаюсь насчет художественных достоинств рассказа и, ей-богу, далеко не в восторге от него. Но, говоря голую правду, мне все же казалось, что фигуры его достаточно живы, общие картины — тоже. Есть в рассказе и известное движение, переходящее к концу его в драматизм. Словом, с этой стороны я никак не ожидал, что рассказ получится крайне скучный. А не ожидал, значит, дело-то мое писательское плохо. И вот для меня по этому поводу встает очень важный вопрос, который убедительно прошу вас, Алексей Максимович, разрешить со свойственной вам сердечной откровенностью. Да стоит ли мне заниматься этим делом? Не бросить ли? Если на основании того, что вы прочитали, затрудняетесь дать прямой ответ, — подождем. Я вот напишу и представлю вам еще одну-две вещицы. Только вопрос этот для себя мне давно уже пора решить. Ведь мне уже 35-й год, а я до сих пор не могу докарабкаться хоть до разряда маленьких литераторов, да все же литераторов. Берусь за перо раз в неделю по праздничным дням, а взявшись, вижу, что язык деревянеет. А м^{ожет} б^{ыть}, он и от природы таков. А тут еще моя учительская служба — только погибель и душе и здоровью. Педагог-то я ведь опытный ², в свое время по какой-то непонятной случайности удержавшийся и теперь только терпимый. Незвизра на мои некоторые в этой области положительные качества, держат меня в черном теле: дальше частной женской гимназии не пускают. Свежая иллюстрация: просился я недавно в городскую гимназию, так мне отказали, а взяли кого-то не то из банка, не то из акциза. А между тем и у меня есть самолюбие, да деться некуда. Ушел бы куда-н^{ибудь} в газету, связей там нет. Тоска.

Одним словом опять распространился я — извините. Но так выходит, что даже брань ваша ободряет: столько внимания мне уделили!

Спасибо вам сердечное. А судьбу мою вы все-таки решите. Конечно, если только в языке дело, то еще не все потеряно: ведь не отметили же вы этой шероховатости в пьесе, напр^{имер}. А вот если вообще-то я швах, то лучше уж сразу определиться ³.

А все-таки дерзну прислать еще один рассказ — пишу ⁴.

Писал было пьесу ⁵, да вижу — дело во всех смыслах безнадежное: на 3-м акте бросил, и навсегда.

Что значит, что Виктор Сергеевич не отсылает рукописи? М^{ожет} б^{ыть}, он моих писем не получил. Я писал ему по указанному им адресу (сестры) заказными до востребования.

Горячо желаю вам всего доброго.

К. Т р е н е в

17/XI.

¹ См. письмо 7.

² См. письмо 1, прим. 10.

³ В ответном письме (между 23 и 30 ноября 1911 г.) Горький писал Треневу: «Дело, Константин Андреевич, именно в языке и прежде всего — в нем. Скучно — потому что материал, из коего вы лепите фигуры, — сероват, а это влияет на пластику, делает лица тусклыми.

Но ведь вот Пистоненко и Багрецов и Минуточка сделаны живо, ясно, выпукло, — стало быть, язык ваш не всегда одинаков, вернее — ваше *отношение* к языку не одинаково. Поверьте, что сие говорится отнюдь не ради утешений, я достаточно осторожен вообще и особенно в отношении к вам, и я не позволил бы себе говорить вам — вы литератор, даровитый человек, — если б не был уверен в этом, если б крепко не чувствовал этого» (т. 29, с. 212).

⁴ Очевидно, речь идет о повести Тренева «Владыка». Была напечатана в «Завесах», 1912, № 7. См. также письмо 13, прим. 2.

⁵ О какой пьесе идет речь, не установлено.

АФИША ПРЕМЬЕРЫ ПЬЕСЫ
К. А. ТРЕНЕВА «ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ»
НА СЦЕНЕ МАЛОГО ТЕАТРА
22 ДЕКАБРЯ 1926 г.

Театральный музей
им. А. А. Бахрушина, Москва

9

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Симферополь. 24 ноября 1911 г.〉

Я получил письмо от Виктора Сергеевича; уведомляет, что он и, по-видимому, вы из «Современника» вышли. К сожалению, ни об обстоятельствах, ни о мотивах ухода ничего не пишет¹.

Настроение у человека, видимо, невеселое. Грустно как! И за него, и за дело, да и за себя-таки. Он пишет, что пьесу² не прислал для дальнейш〈его〉 исправления соответственно указаниям товарищей по «Совр〈е-меннику〉», т〈ак〉 к〈ак〉 находит, что исправлять довольно. Теперь, говорит, будем стараться напечатать в «Сборнике»³. Да увенчаются ли старания успехом! Будет ли, будет ли напечатана? Очень уж многое связано с этим вопросом.

Кстати, Незлобин вернул ее. Говорит: «К сожалению, поставить ввиду переполнения репертуара в этом году не представляется возможным».

М〈ожет〉 б〈ыть〉, и так. А, м〈ожет〉 б〈ыть〉, это такая деликатная форма. С вами он не был откровеннее?

Рассказ⁴, пишет В〈иктор〉 С〈ергеевич〉, застрял где-то у Пятницкого. А то я уже переделал бы его. Постигаю всю серую невзрачность своего языка и здорово стараюсь. Спасибо!

А пьесе, очевидно, не суждено «увидеть свет рампы». Дайте ей увидеть настоящий свет!

С глубоким уважением

К. Тренев

24/XI.

¹ «Современник» — литературно-политический журнал, издавался в Петербурге в 1911—1915 гг. Именуясь внепартийным социалистическим органом, «Современник» фактически был органом ликвидаторов и либерального народничества. В письме от 22 ноября 1910 г., прочитав объявление о подписке на «Современник», В. И. Ленин писал Горькому: «Амфитеатровский журнал <...> есть политическое выступление, политическое предприятие, в котором даже и сознания нет о том, что общей „левизны“ для политики мало, что после 1905-го года всерьез говорить о политике без выяснения отношений к марксизму и к социал-демократии нельзя, невозможно, немыслимо» («В. И. Ленин и А. М. Горький. Письма, воспоминания, документы». Изд. 2. М., Изд-во АН СССР, 1961, стр. 58).

Горький дважды пытался реорганизовать «Современник», объединив вокруг него демократические литературные силы страны, однако обе попытки окончились неудачей ввиду принципиальных расхождений между Горьким и руководящими членами редакции. В августе 1911 г. Горький отказался от работы в «Современнике». В начале 1912 г. редактором «Современника» становится вместо Амфитеатрова Е. А. Ляцкий, который тотчас же начал переговоры о вхождении в редакцию Горького. Горький состоял в редакции с сентября 1912 по апрель 1913 г.

² «Дорогини». См. письмо 6, прим. 5.

³ Имеется в виду один из сборников «Знания».

⁴ «На ярмарке». См. письмо 7, прим. 1, а также письмо 10, прим. 2.

10

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 19 января 1912 г.⟩

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Беспокою вас, не получая известий о движении к печати моей пьесы ¹, да и рассказа ². Дело еще в том, что месяц тому назад отправил я свой рассказ в исправленном виде Виктору Сергеевичу, но от него никакого ответа не имею. А он так часто меняет свой адреса, что я уж начинаю сомневаться — дошла ли до него рукопись. Тем более, что она адресована — до востребования. М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, она и лежит там. На всякий случай сообщаю вам ее адрес: Cavi di Lavagna. Presso Genova.

Спасибо вам за последнее ваше письмо ³. Какое оно — огромное для моей души событие... Вероятно, очень долго я в минуты уныния буду прибегать к чтению его, за помощью. Уж раз вы мне выдали права на литератора, то и буду неотступно работать над реализацией этих прав. Пишу сейчас рассказ ⁴. Думал выйдет небольшой, а он что-то все пухнет. Думал на рождественских вакациях поработать (а то перед праздниками отдал дань осенней погоде — похворал), но на праздниках пронесся надо мной шквал, чуть не унесший самую дорогую для меня жизнь — единственного моего мальчика ⁵, а вместе с ней — так казалось мне — и мою. Боже мой — даже вспомнить об этом страшно...

Теперь снова живу. Но уж работать придется только четыре дня на масляной, а потом уж до пахи.

А в общем — не везет мне, Алексей Максимович! Так-таки огулом не везет... Не згойст я и не нытик и время свое с радостью готов нести и, кажется, вынес бы, да только по дороге все привески на тебя бросают. А тут уж и грудь болит. Ну, да авось вывезет. А любопытную, между прочим, историю пришлось наблюдать мне почти на днях, как моему начальству пришлось выбирать между педагогом — прославленным эротоманом, взяточником, полупомешанным, и мною, пользующимся прочными симпатиями среди учеников. Предпочли, конечно, его. Впрочем, огорчения от сего я не испытал ни малейшего, только получил кругленькую тему для рассказа.

Напечатайте меня, пожалуйста, дорогой Алексей Максимович! М⟨ожет⟩ б⟨ыть⟩, рассказ ⁶ для «Знания» не подходит, тогда хоть пьесу пу-

скайте. А то мне в последнее время даже сны такие снятся, будто получаю от вас письмо, что ни то ни другое не будет напечатано, и просыпаюсь со страшно тяжелым чувством. Словом — казанская сирота!

Будьте здоровы и не сердитесь за болтовню мою о себе.

К. Т р е н е в

Симферополь, Лазаревская ул., д. Вайнштейна

19.1.12.

¹ «Дорогини».

² Речь идет о рассказе «На ярмарке». В. С. Миролубов писал Горькому 30 января 1912 г.: «Напишите вы мне, отдать ли „Ярмарку“ Треневу в журнал или пойдет она с Гусевым в Сборник („Знание“). Если не пойдет с Гусевым, надо ее пустить сейчас же в журнал, а то мы его истомим». 22 октября 1912 г. он сообщал: «„Ярмарку“ я все не пускал, боясь, как бы не придралась цензура. Теперь в октябре пускаем „Владыку“, а „Ярмарку“ Тренев просит пристроить в Сборник. Если найдется место для „Ярмарки“ — напишите, пришлю. Он ее сильно выправил. Рассказ хороший и в Сборник пройдет». О рассказе «На ярмарке» писал Миролубову и К. Пятницкий: «Рукопись Тренева „На ярмарке“ отправлена автору. Рассказ мне положительно нравится. Он свидетельствует о наблюдательности автора. От него веет свежестью, есть юмор. Особенно хорош дед Терешко, который всем доволен и которому хочется рассказать всей ярмарке, как его били... Из-за одной этой фигуры я взял бы рассказ. Язык, конечно, плох, небрежен, особенно в описаниях. С этой стороны автор должен переработать рукопись. Но соответственные указания уже даны А<лексеем> Максимычем» (цит. по кн.: «М. Горький. Материалы и исследования», т. III. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 102).

³ Речь идет о письме Горького Треневу между 23 и 30 ноября 1911 г. (т. 29, № 576). См. также письмо 8, прим. 3.

⁴ «Владыка». См. письмо 8, прим. 4.

⁵ Сын К. А. Тренева — Виталий Константинович Тренев (1908—1953).

⁶ См. прим. 2.

11

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

(Симферополь. 10 июня 1912 г.)

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Виктор Сергеевич, вероятно, уже переслал вам мой рассказ «Владыка» (конечно, если не забраковал). Не откажитесь прочесть и сказать, что оно такое там вышло у меня.

Когда будете гневаться за язык и слог, вспомните, что много слов и оборотов славянских пущено нарочито. Другое дело, если я этим маслом кашу испортил.

Вообще же — я намерен еще и тщательно пройтись по рассказу.

Очень извиняюсь за крайне неудовлетворительный внешний вид рукописи. А тут еще переплетчик совсем ее доконал: перепутал страницы и отрезал концы строк. Переписывать заново — нет сил и времени. Не обессудьте.

Сердечно преданный вам

К. Т р е н е в

Адрес: Симферополь, гимназия Станишевской. К. А. Треневу.

10/VI.

12.

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

(Симферополь. 5 августа 1912 г.)

Глубокоуважаемый Алексей Максимович!

Послал вам рассказ свой «Владыка». Он должен был явиться пред вами еще 1½ месяца тому назад, от Виктора Сергеевича, как я его просил. Но вернулся ко мне для исправлений.

Не откажитесь прочитать и сообщить свое впечатление. В(иктор) С(ергеевич) взял его в «Заветы»¹. Но если укажете исправления, — еще можно сделать².

Сердечные вам благопожелания!

К. Т р е н е в

Адрес: Симферополь, Лазаревская ул., д. Вайнштейна, Конст(антину) Андр(еевичу) Треневу.

5/VIII.

¹ См. письмо 8, прим. 4.

² Горький в ответном письме Треневу (август, не ранее 10-го, 1912 г.) писал: «Повесть — понравилась мне и по теме и по исполнению, хотя — местами — она могла бы быть несколько сокращена. Владыка — удался, но он слишком много думает текстами и — почти всегда — при этом сам себе напоминает, чей текст. О. ректор — довольно обычен, эпизодические фигуры — оригинальней.

Вообще же говоря — писать вы стали лучше. Вам необходимо больше работать, и будет очень полезно, если вы каждый день станете писать хоть по страничке, хоть по несколько строк, добиваясь сжатости, выразительности и музыки в словах» (т. 29, с. 249—250).

13

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

(Симферополь. 28 ноября 1912 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Утруждаю вас просьбой относительно своего злополучного рассказа «На ярмарке».

Вот уж 2-й год, как путешествует он по России и Европе, а в печать его не пускают¹: в мае выяснилось, что для «Заветов» он опасен в цензурном отношении, к осени эта опасность, по-видимому, прошла, но через некот(орое) время Виктор Сергеевич известил меня, что он отправил его Пятницкому для сборн(ика) «Знания», а с месяц тому назад уведомил, что о рассказе написал и вам. Уповав, что к настоящему времени судьба рассказа вам уже известна, я и беспокою вас просьбой, не поставите ли и меня в известность. Просить вас о содействии помещению его в сборнике не решаюсь, памятуя, как вы испепелили меня за его язык (хотя после вашего внушения я много работал над языком этого рассказа).

А с «Владыкой» мне не повезло: книжку, в которой он напечатан, конфисковали².

Спасибо вам за отзыв о нем и доброе слово, столь для меня ценное.

Сердечно любящий вас К. Т р е н е в

Адрес: Симферополь, Лазаревская ул., д. 21, К. А. Треневу.

28 ноября 1912 г.

¹ См. письмо 7, прим. 1; письмо 10, прим. 2.

² Седьмой номер «Заветов» за 1912 г. был конфискован цензурой из-за опубликования в нем антиклерикальной повести Тренева «Владыка» и статьи Н. Суханова «По вопросам наших разногласий (к обоснованию аграрной программы)». 5 июля 1913 г. секретарь «Заветов» С. П. Постников писал В. С. Миролюбову за границу: «Сегодня опять был в Комитете по д(елам) п(ечати). Оказывается, еще откопали преступление в № 7 „Заветов“. Привлекают не только за Суханова, но и за „Владыку“. А между тем „Владыка“ был очень сильно подчищен. И ничто не спасло» (Рукописный отдел ИРЛИ, ф. 185, оп. 1, № 952, л. 39). По поводу повести «Владыка» протоиерей Павел Лажотский писал в Комитет по делам печати: «Названная повесть представляет из себя сплошной пасквиль на служителей православной церкви... предается поруганию и глумлению сан епископа». Петербургский комитет по делам печати возбудил против редактора «Заветов» судебное преследование, а на седьмой

номер журнала за 1912 г. наложил арест, который был снят лишь после уничтожения указанных цензором страниц журнала (ЦГИАЛ, ф. 777, оп. 18, № 229, лл. 23—24, 26, 64. Цит. по примечаниям А. Ф. Бритикова в кн.: «Литературный архив», вып. 5. М.— Л., 1960, Изд-во АН СССР, стр. 200).

Нападки на повесть «Владыка» не прекращались долгое время (см., например, статью «Литература из-под пера бывшего семинариста» в органе святейшего синода — «Приходский листок» от 26 сентября 1915 г.).

14

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

(Коктебель. 1 августа 1915 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Посылаю вам на память свою книжку ¹. Вот только — не знаю, как лучше адресовать вам сейчас. А за вами 2-я кн(ига) «Матвея Кожемякина»! И пожалуйста, надпишите, а то 1-я без надписи.

Из газет узнал, что у вас гостит Шалапин; не откажите и ему передать мое скромное подношение, пусть не побрезгует ².

Плохо работать летом: с велосипеда расшибся. Теперь наладилось.

Спасибо вам, Алексей Максимович, за тепло ваше во дни оны! Хотел всё это выразить лично, да как-то не собрался с духом.

Целую вас крепко. К. Т р е н е в

Привет Марье Федоровне ³.

1/VIII.

¹ По-видимому, речь идет о книге Тренева «Владыка. Рассказы», т. I. М., «Книгоизд-во писателей в Москве», 1915.

² В ответном письме Треневу от 11 октября 1915 г. Горький писал: «Дорогой К. Д. <в автографе ошибка, надо: К. А.— Ред.>— сердечно благодарю вас за книгу вашу, на днях пошлю вам свои. Шалапину еще не передал его экземпляр,— летом я его не видал, а сейчас он в Москве. Как только вернется в Питер,— я передам ему книгу. Благодарю вас и за внимание к нему, он очень оценит это, я знаю» (т. 29, с. 341).

³ Мария Федоровна Андреева — (Желябужская) (1872—1953) — вторая жена Горького.

15

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

(Симферополь. 15 октября 1915 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Очень тронут памятью обо мне и лестным предложением вписаться в число сотрудников вашего журнала ¹. Разумеется же — согласен! Вот только насчет представления рассказа к ближайшему сроку — выйдет, кажется, заминка. Дело в том, что постигли меня напасти — болезни. Вот и сейчас пишу лежа, при *t*^о под 39. Какая-то тяжелая и затяжная форма инфлуенцы. А в сентябре совсем было собрался помирать. Вообще же — как только напишется что-нибудь, так и представлю вам. Тогда уж будем говорить и об условиях.

Здоровье брата оч(ень) плохо ². Спасибо вам, Алексей Максимович, за письмо ваше к Манухину ³: только благодаря письму он принципиально согласился лечить брата. Но как-то все это оттягивается до приезда в Москву что ли.

Душевно желаю вам всех благ!

К. Т р е н е в

Любопытно, на чем основаны газетные слухи об основании вами газеты? ⁴

Мой адрес: Симферополь, Константину Андреевичу Треневу.
15/X.

¹ В письме от 11 октября 1915 г. Горький писал Треневу: «Налажено издание ежемесячного литературного журнала „Летопись“. Я принимаю в этом журнале ближайшее участие, печатаю в нем вторую часть „Детства“ и усердно прошу вас о деятельном сотрудничестве.

Пробная книга журнала выйдет в первых числах декабря, — могу ли поместить ваше доброе имя в список сотрудников? Будьте любезны ответить немедленно и дайте хотя небольшой рассказ. Укажите ваши условия» (т. 29, с. 340—341). На страницах «Летописи» Тренев не печатался.

² Речь идет о Николае Андреевиче Треневе, в то время студенте Московского университета. Скончался в начале января 1916 г. от туберкулеза.

³ Иван Иванович Манухин (р. 1882—?) — врач, лечивший Горького, см. о нем в письме Горького Федину от 29 марта 1932 г. (т. 30, № 1046).

⁴ В июле — августе 1915 г. в редакции журнала «Современник» возникли резкие идейные разногласия. Недовольный направлением журнала, в котором начинают задавать тон шовинистические элементы, Горький замысливает создание «интернационалистической и пораженческой газеты, которая формально не прикреплялась бы и не связывалась бы с партией, но фактически, на деле проводила бы революционные и пораженческие лозунги (...). Однако эта идея так и не выкристаллизовалась в определенные формы» (Р. А р с к и й. В Петрограде во время войны. — «Красная летопись». М.—П., 1923, № 7, стр. 82).

16

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

⟨Петроград. Октябрь, не ранее 18-го, 1915 г.⟩

Дорогой Константин Андреевич!

Спешу известить вас, что доктор Ив⟨ан⟩ Ив⟨анович⟩ Манухин уже переехал в Москву. Его адрес брат ваш может узнать таким образом: надо позвонить в гостиницу «Боярский двор», когда соединит с гостиницей, — просить контору ее вызвать по телефону № 133-й. В этом № живет Мария Федоровна Андреева, она знает адрес Манухина.

Он только что эвакуировался из Киева, и мне пока неизвестно, где именно его лазарет. Кроме вашего брата, он будет лечить Клавдия Сапунова ¹ и еще нескольких. Спасибо вам за ваше доброе отношение ко мне, за согласие сотрудничать ². Очень ждем ваши рукописи! Нельзя ли на январь?

Не пужно ли вам денег? В связи с поездкой брата в Москву?

Кстати: чтобы ему, больному, не хлопотать о квартире и т. д., — поручите эти хлопоты той же М. Ф. Андреевой.

Напишите ей или дайте письмо брату, а он зайдет в «Боярский двор». Это — на Старой площади, около Лубянки.

Будьте здоровы!

А. Пешков

Датируется по письму 15.

¹ Клавдий Николаевич Сапунов. Старший брат известного художника Н. Н. Сапунова, тоже художник. В течение многих лет участвовал в оформлении спектаклей МХАТ.

² См. письмо 15, прим. 1.

17

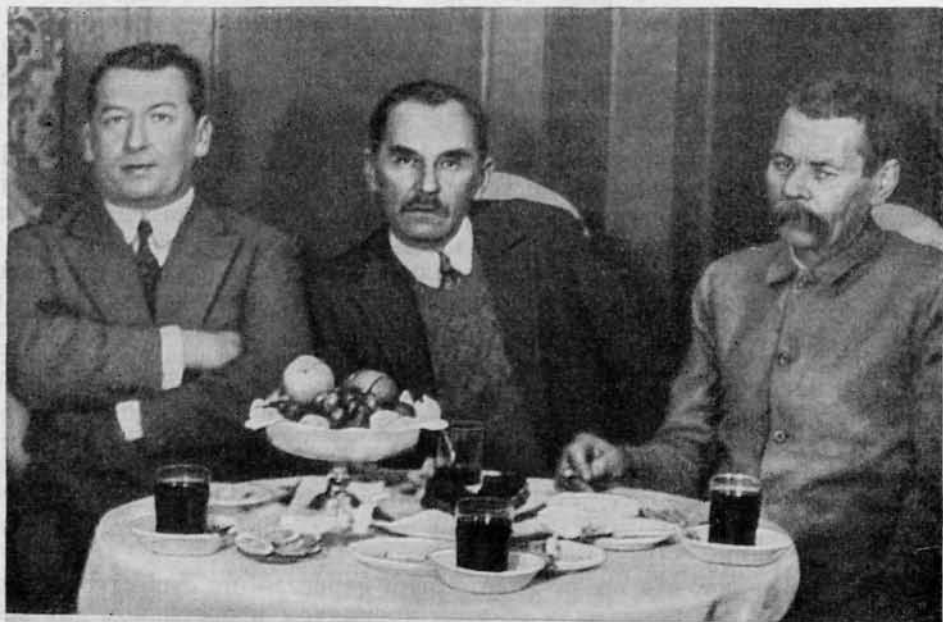
ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

⟨Петроград. Ноябрь — начало декабря 1915 г.⟩

Константину Андреевичу Треневу

Многоуважаемый Константин Андреевич.

«Русское о⟨бщест⟩во изучения жизни евреев» ¹, предполагая издать сборник исторических и литературных произведений под общим титулом «Евреи на Руси» ², почтительно предлагает вам: не соблаговолите ли

Прекрасному Малому театру
 М. Горький
 (в состоянии крайнего истощения от пережитых восторгов.)

ГОРЬКИЙ НА СПЕКТАКЛЕ ПЬЕСЫ К. А. ТРЕНЕВА «ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ»
 В ГОСУДАРСТВЕННОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ МАЛОМ ТЕАТРЕ В МОСКВЕ
 3 ОКТЯБРЯ 1928 г.

Фотография с дарственной надписью «Прекрасному Малому театру М. Горький
 (в состоянии крайнего истощения от пережитых восторгов)»

Снимок сделан в антракте. Рядом с Горьким (справа налево) К. А. Тренев и В. К. Владимиров
 Музей Малого театра, Москва

вы принять участие вашим трудом в беллетристическом отделе сбор-
 ника.

Желательно, чтобы вы поделились с русским читателем результатами
 ваших наблюдений над жизнью евреев в России.

Срок представления рукописи — к 1-му февраля.

Гонорар — вы назначите сами.

Всего доброго, дорогой Константин Андреевич!

А. Пешков

Кронверкский просп., д. 23.

Датируется по сопоставлению с аналогичными письмами, посланными Горьким
 В. Я. Брюсову, В. Г. Короленко, В. В. Вересаеву, И. С. Шмелеву, И. А. Бу-
 нину, С. Н. Сергееву-Ценскому, А. Н. Толстому, и по письму 18.

¹ См. Горький — Толстой, письмо 1, прим. 1.

² Издание не состоялось.

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

⟨Петроград. 17 декабря 1915 г.⟩

Дорогой Константин Андреевич!

Пошлите мне рукопись пьесы ¹, я ее сейчас же предложу театру Нездобина, этот театр мог бы поставить ее и в Москве, и в Питере, если, конечно, пьеса удалась вам. Могу предложить и Художественному, если желаете, но сей последний не поставит ее раньше осени 16-го года.

Дорогой мой — не дадите ли небольшой рассказец для «Летописи»? Нам было бы очень приятно и полезно украсить вашим именем одну из первых книг журнала. А затем я упрямо прошу вас принять участие в сборнике «Евреи на Руси». Это — большое и хорошее дело. В нем участвуют весьма почтенные люди, и будут написаны статьи на такие темы, как, напр(имер), «Религия и быт евреев» Н. М. Никольский, автор «Древнего Израиля», «Древнего Вавилона»; М. М. Ковалевский «Эмансипация евреев на Западе»; П. Н. Миллюков — истор(ический) очерк положения евреев в России, и т. д. Из литераторов-беллетристов: Куприн, Бунин, Андреев, я, Шмелев, Никандров и т. д.; поэты: Бунин, Брюсов, Бальмонт, Гиппиус, Пол(иксена) Соловьева ² и др.

Ваше указание, что вы не знаете быта евреев, — не существенно, дорогой; ведь вы всё же думали об этом проклятом и постыдном для всех нас вопросе, ведь болела же у вас душа этой болью!

Напишите — что думали, как болела. Напишите просто, как беседу с самим собою, несколько страничек! Пожалуйста не отказывайтесь!

А пока — будьте здоровы, желаю всего доброго!

Крепко жму руку.

А. Пешков

17.XII.15.

¹ Речь идет о пьесе Тренева «Папа». Опубликована в «Ежемесячном журнале», 1916, № 5, и в «Московском драматическом альманахе на 1917—1918 гг.». М., «Московское изд-во», 1917. Пьеса на сцене не шла.

² Поликсена Сергеевна Соловьева (1887—1924) — поэтесса (псевд. Allegro и др.).

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 13 января 1916 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Молчал я непристойно долгое время, т(ак) к(ак) все бился над умирающим братом, которого пришлось-таки похоронить третьего дня в Алушке. До самой смерти надеялся бедняга на Манухина. Видно, в иных случаях полезна «праведная земля», и надо отдать честь тем, кто, и не веря, навеет умирающему «сон золотой». Если не медицинскую, то духовную помощь оказал ему Манухин, ободлив его и вселив надежду.

Прихожу в себя и принимаюсь за работу. Подправив, отошлю вам пьесу ¹, а потом сяду за рассказ для «Летописи». Кстати, не нужен ли критик для журнала? Это я спрашиваю по поручению А. Дермана ². Он пишет в «Р(усских) зап(исках)», «Р(усской) мысли», и пишет хорошо. Человек принципиальный и добросовестный.

Будьте здоровы. Крепко жму вашу руку.

К. Т р е н е в

13/I.

Относительно рассказа в еврейский сборн(ик): собирался было дать маленький. Но теперь-то уж не успею, видно.

¹ Речь идет о пьесе «Папа». См. письмо 18, прим. 1.

² Абрам Борисович *Дерман* (1880—1952) — литературовед, критик и беллетрист. В то время был сотрудником «Ежемесячного журнала» (вел в нем критику и библиографию), «Русской мысли», «Заветов», «Русской жизни», «Русского богатства», «Современника» и пр. Работал с Треневым в симферопольской газете «Южные ведомости». Дерман участия в «Летописи» не принимал.

20

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

(Симферополь. 26 февраля 1916 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Беспокою вас, побуждаемый желанием узнать, какова судьба моей пьесы. Пришлось ли передать ее какому-нибудь театру и, если — да, то нет ли ответа? ¹

Один мой знакомый, прочтя пьесу, отозвался о ней совсем неодобрительно. Поэтому я очень жалею, что навязал ее вам. Если она еще на руках у вас, то вы мне ее, пожалуйста, перешлите, я ее — под снуд. А если в каком-ниб<удь> театре, то сообщите — затребую. И еще просьба: г. Суслов ², автор пьесы, которую я, по его просьбе, переслал вам, тоже спрашивает. Если судьба ее решена, — черкните.

Извините меня за откровенное и, должно быть, неуместное слово о Тальникове. Но я знаю, что вам я должен был это написать ³. Утруждать вас не смею. Но не скрою: для меня было бы очень важно слышать и ваше откровенное слово о моем заявлении и его мотивах.

Глубоко уважающий вас.

К. Т р е н е в

Датируется по почтовому штемпелю.

¹ Во второй половине января 1916 г. Тренев прислал Горькому свою пьесу «Папа». В письме от 22 февраля 1916 г. Горький писал Треневу: «Пьесу послал в Москву, Незлобину, но ответа еще не имею» (т. 29, с. 353). См. письмо 18, прим. 1.

² Онисим З. *Суслов* (Резников, Онисим Маркович) — член Московского общества драматических писателей, автор пьесы «Освобожденная Галиция» и комедий на украинском языке («Галия Гусыня» и др.). О какой пьесе идет речь в данном случае, не установлено.

³ Тальников (псевдоним Давида Лазаревича *Шпитальникова*, 1885—1961) — литературный критик. Письмо Тренева Горькому, содержащее высказывание о Тальникове, нам неизвестно. См. также письмо 21, прим. 3 и письмо 22.

21

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

(Петроград. 5 марта 1916 г.)

Вот что, Константин Андреевич, написали мне по поводу вашей пьесы ¹, — писал человек театрально-опытный.

«Пьеса не пригодна для сцены, слишком à thèse. Уже с первого акта видно все, что должно случиться на сцене. Драма протекает за кулисами. Неясно, когда успела развиться любовь дамы к жениху дочери. Характеры — слишком использованы» ².

Нет, видно мы, беллетристы, плохие драматурги. Я написал десяток пьес и — ни одной хотя бы порядочной, в смысле формы. Всё какие-то рассказы и в диалогах.

Статья Тал<ь>никова ³ — ошибка, одна из тех, очевидно, неизбежных ошибок, без которых никакое новое дело не строится. Следовало указать на изменение в литературе отношения к мужику: всё был такой милый, пряничный мужичок и — вдруг обратился в зверя черного? И не только в изображении «барина» — но в своем собственном. — Вольный, Подъячев — мужики до сего дня.

А вообще Тал<ьников> — не сотрудник «Летописи».

Очень трудно наладить журнал, — людей нет.

Питер живет грязными анекдотами и сплетнями, — что ужасно, до отвращения!

Будьте здоровы.

А. Пешков

5.III.16.

¹ Имеется в виду пьеса «Папа». См. письмо 18, прим. 1.

² В письме М. Ф. Андреевой (начало 1916 г.) Горький писал: «Посылаю пьесу Тренева, прочитай и возврати. На мой взгляд, пьеска неудачная, хотя затеяна оригинально. Но сделать идеалиста взяточником надобно иначе, более тонко» (АГ).

³ Статья Д. Л. Тальникова «При свете культуры (Чехов, Бунин, С. Подъячев, Ив. Вольный)» опубликована в «Летописи», 1916, № 1, стр. 275—299.

В статье Тальникова подчеркивались черты «азиатчины» в изображении деревни названными выше писателями.

Тренев в письме В. С. Миролюбову от 10 марта 1916 г. сообщал: «Насчет Та<льнико>ва я уже писал Горькому резкое письмо. Он выразил сожаление в оплошности и отрекается от него...» («Лит. архив», вып. 5. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 222).

22

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 20 марта 1916 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Извиняюсь, что по болезни не писал вам в ответ на два ваши письма¹. Есть у меня один рассказ, который думал было представить вам; пока писал начало и середину — казалось что-то выходит, а подошел к концу — оглянулся — чепуха. Нет, не пошло у вас этого рассказа, сажусь за другой. Пьеса вот тоже: писал, так думал: недурно, а в итоге, видите, плохо². Урок для меня: не верить себе и не совсем, что напишется, вылазит на люди.

О Шпитальнике я ведь не по поводу его статьи в «Лет<описи>» писал, а гораздо раньше. А статьей этой он только оправдал то, что приходилось слышать о нем раньше³.

И вот опять по этому же вопросу — жалуется — людей нет, а мое предложение обратить внимание на Дермана игнорируете⁴ (по кр<айней> мере, в письмах не упоминаете о нем). А ведь хороший он работник, дело наше любит и хотел бы у вас работать. Еще раз надоедаю вам, Алексей Максимович, с просьбой: не прочтена ли рукопись Суслова, отправленная через меня?⁵ Это пьеса, заглавие ее, кажется, «Листы и корни».

С горячей любовью

К. Тренев

20.III.16.

И еще просьба: не найдет ли редакция «Летописи» ⟨нужным⟩ высылать мне журнал в счет будущего моего гонорара?

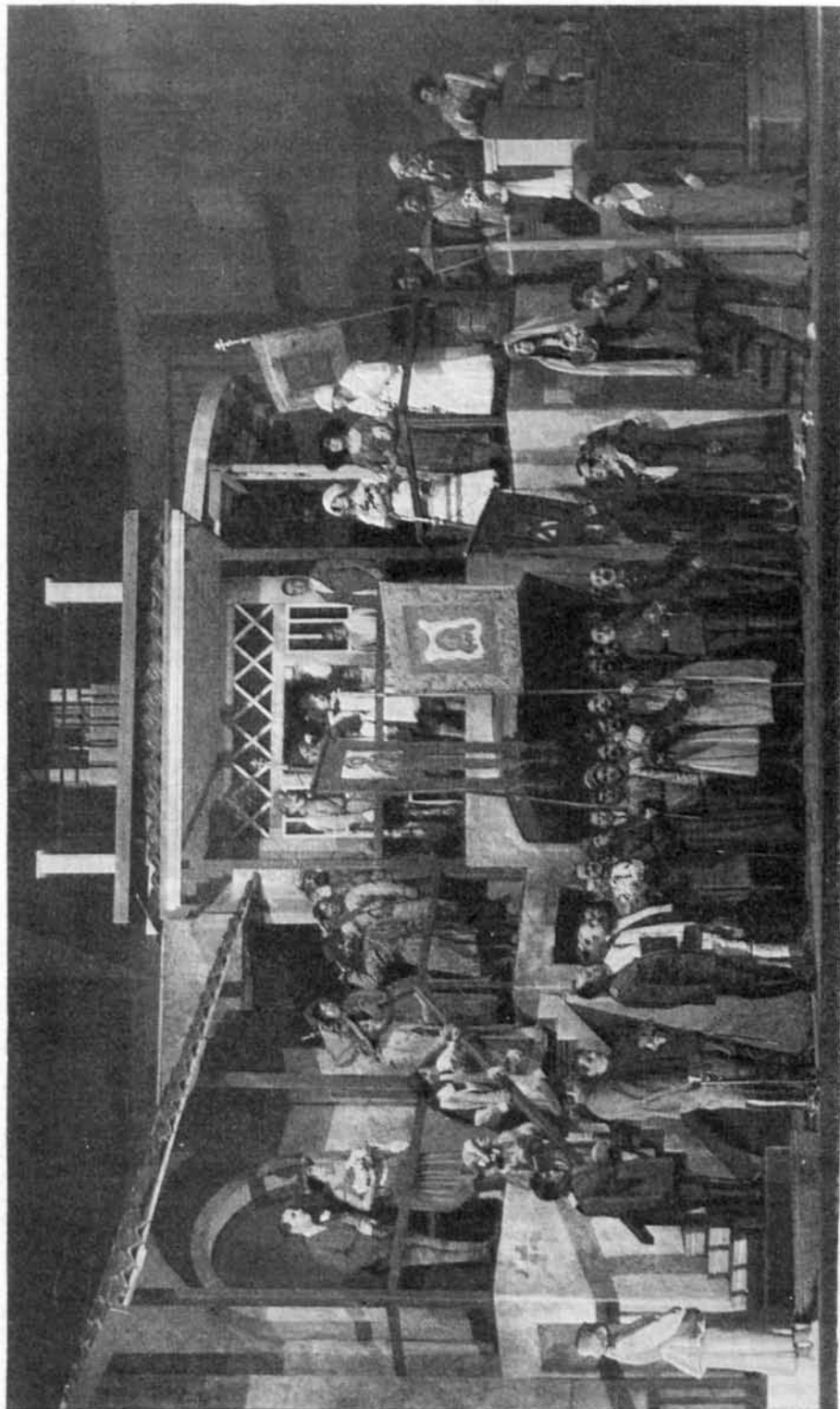
¹ Речь идет о письмах Горького Треневу от 22 февраля 1916 г. (т. 29, № 705) и от 5 марта 1916 г. (№ 21).

² Пьеса «Папа». В письме В. С. Миролюбову от 10 марта 1916 г. Тренев писал: «Посылаю вам пьесу. Что хотите, то и делайте с ней. Лично я ⟨о⟩ ней невысокого мнения, хотя на свое впечатление я не решаюсь полагаться. Но давал тут человечку — тоже не очаровался. А вы мне скажите о ней всё прямо и откровенно. Буду благодарен. Писалась-то она не для печати, но и для сцены — боюсь — не угодил...» См. также письма Тренева Миролюбову от 20 марта 1916 г. и А. А. Измайлову (цит. по кн.: «Лит. архив», вып. 5. М.— Л., Изд-во АН СССР, 1960, стр. 221—222). См. письмо 18, прим. 1.

³ См. письмо 20, прим. 3 и письмо 21, прим. 3.

⁴ См. письмо 19, прим. 2.

⁵ См. письмо 20, прим. 2.

ПЕРВАЯ ПОСТАНОВКА ПЬЕСЫ К. А. ТРЕНЕВА «ЛЮБОВЬ ЯРОВАЯ»
В ГОСУДАРСТВЕННОМ АКАДЕМИЧЕСКОМ МОСКОВСКОМ МАЛОМ ТЕАТРЕ, 1926 г.
Сцена из 2-го действия. На переднем плане (справа) Любовь Яровая — В. Н. Пашенная

Фотография

Музей Малого театра, Москва

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

〈Симферополь. 3 сентября 1916 г.〉

Дорогой Алексей Максимович!

Большой интимной радостью было для меня ваше письмо! ¹ Спасибо на добром слове, которое для меня — без преувеличения — имеет силу закона. А я ведь думал: «На Украине» ² — неважно. И иные места сопровождал фразой цыгана (из «Ярм^арки» в Голтве): «Стыд, дядько, стыд, а не хвост»! ³ Да вот еще стыд, что до сих пор ничего не дал в «Летопись»... И все же — в этом году постараюсь дать рассказ во что бы то ни стало. Т^аким^о образом заслужу право «разрешить» (!) вам поставить мое «имя» в «Лет^описи» на 1917 г. ⁴ Кстати, насчет очерков «На Украине»: а я ведь, было, надеялся поместить их в той новой газете ⁵, о которой вы говорили мне в Симферополе.

Что же? Неужто отложено? Или, м^ожет^быть, наладится? Посылал я вам в Форос стихи одного крымского поэта-переводчика (с еврейского). Получены ли? Посылал я через Байдары, и не знаю, так ли.

А в Форосе-то вы прогостили, кажется, значительно больше месяца ⁶. Оч^ень жалею, что не пришлось еще увидеть вас: дельце маленькое было для личного разговора.

А за вами Кожемякин и портрет ?!!! Мечтаю о рождестве пробраться в Питер, не знаю — удастся ли. Оч^ень уж здесь одиноко зимой.

Желаю вам сил и всех благ!

К. Т р е н е в

3.IX.16.

Каков теперь ваш домашний адрес?

¹ Речь идет о письме Горького Треневу (от конца августа 1916 г., см. т. 29, № 718).

² Путевые очерки Тренева «На Украине» (I. «По Днепру»; II. «У великой могилы»; III. «У знаменитой лужи») опубликованы в «Русском слове», 1916, № 182, от 6 августа; № 188, от 14 августа; № 199, от 28 августа. В названном выше письме (от конца августа 1916 г.) Горький писал: «С завистью читаю в Р^усском с^лове „По Украине“, дорогой Конст^антин^а Андреевич, с завистью, — хорошо написано! Легко, плавно, с такой острой улыбкой и такой славной грустью, кажется — понятной мне. Поверьте, что это не комплимент, нет! Я очень внимательно читаю вас и уверенно жду много великолепного из-под вашего пера» (т. 29, с. 364).

³ Тренев приводит из рассказа Горького слова цыгана, выменивавшего лошадь у мужика-украинца: «А какой у нее хвост? Это стыд, дядько, стыд, а не хвост...» (т. 3, с. 90).

⁴ В том же письме (от конца августа 1916 г.) Горький просил Тренева прислать что-нибудь для «Летописи» и спрашивал: «разрешаете вы поставить ваше имя в числе сотрудников на 17-й год?» (т. 29, с. 364). См. также письмо 15, прим. 1.

⁵ В ответном письме (сентябрь, после 6-го, 1916 г.) Горький писал: «Газета — будет наверняка. Но — покамест это все-таки между нами, ибо условия питерской жизни повелевают конспирировать» (т. 29, с. 367). Речь идет о задуманной Горьким газете «Луч» (см. письмо 24). Издание газеты не состоялось.

⁶ Горький пробыл в Форосе у Ф. И. Шалапина с начала июня по конец июля 1916 г.

⁷ В письме (сентябрь, не ранее 6-го, 1916 г.) Горький писал Треневу: «„Кожемякина“ посылаю, а портрета все еще нет, — не я винов этого, не я! Моего фотографа нарядили солдатом, и это нарушило все его профессиональные фокусы» (т. 29, с. 367).

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

〈Петроград. Первая половина января 1917 г.〉

Дорогой Константин Андреевич!

В конце января выходит здесь газета «Луч» радикал-демократического направления. Главный редактор — М. В. Бернацкий ¹, отдел литера-

туры — я, критика — Горнфельд², при помощи Дермана³. Газета — приличная. Просим вашего сотрудничества, гонорар 50 к<опеек> строка. Если к 25-му дадите небольшой рассказ — обрадуется.

Будьте добры, — ответьте скорее — согласны ли?

Если можно — телеграфируйте ответ.

Крепко жму руку.

А. Пешков

Датируется по содержанию.

¹ Михаил Владимирович *Бернацкий* (1876—?) — журналист, экономист, сотрудник журналов «Современный мир», «Образование» и др. Был министром финансов Временного правительства. После Октябрьской революции — белоэмигрант.

² Аркадий Георгиевич *Горнфельд* (1867—1941) — литературный критик, сотрудничавший в журнале «Русское богатство», а также в «Русской мысли», «Вестнике Европы» и др.

³ См. письмо 19, прим. 2.

25

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

⟨Петроград (?) Конец 1917 г.⟩

Дорогой Константин Андреевич!

«Парус» составляет литературный сборник¹, — имеется интересная вещь Замятина, рассказ Пришвина, моя пьеса², Бунин; вы хотели дать рассказ, — не пришлете ли? Был бы очень рад и благодарен.

Как живете? Здесь — точно в доме умалишенных.

Крепко жму руку.

А. Пешков

Датируется предположительно по содержанию.

¹ Издание сборника не состоялось.

² Пьеса «Старик» (1915). Впервые напечатана отдельной книгой в изд-ве И. П. Ладыжникова, Берлин (без обозначения года издания; по-видимому, не позднее 1921 г.).

26

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

Симферополь. ⟨1921 г., до октября.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

На днях я писал вам, но ввиду того, что оказия уже была в вагоне, торопился: не выразил мою просьбу достаточно полно, просил Е. В. Выставкину¹ передать на словах. Однако боюсь, что это не будет в точности сделано, а сущность моей просьбы вот в чем: с неудержимой силой влечет меня, бытописателя, в свою стихию — пощупать собств<енными> руками пульс народной жизни на месте — на Украине, на Дону. Три года ведь, как оторван я от этой родной мне стихии, и это иссушило, обескровило душу. А между тем там как раз в это-то время прорвала плотину живая жизнь... Народ в муках творит нечто новое и небывало прекрасное. Так велика вера в это новое, вера, основанная на знании народа, и... так велика тоска, что, сидя здесь, в безмерно чуждом мне городе экзотического Крыма, ничего не вижу, ничего не творю... В коротеньком письме ничего не скажешь, обременять вас длинным письмом не хочу. Вы и так поймете!.. И вот моя просьба — оказать мне содействие как писателю в моей поездке по Украине и Дону с гарантиями в смысле передвижения, продовольствия и проч. Очевидно, такая бумага должна быть от какого-нибудь высокоавторитетного центрального органа вроде той

телеграммы, которая для нас по ваш^(ему) представлению была прислана². Я думаю, что то, что я, увидев, отразил бы в меру своих сил как бытописатель, не было бы лишней страницей в книге новой жизни.

А уж чрез Дон и Украину я проехал бы к вам. Не откажите мне. Целую вас.

К. Т р е н е в

Адрес: Симферополь, Константину Андреевичу Треневу, Казанская, 22.

Датируется¹ по содержанию.

¹ Екатерина Владимировна *Выставкина* — писательница, сотрудничала в журналах «Русское богатство», «Русская мысль», «Курьер» и др. Автор романа «Амазонка», Берлин, изд. Е. Выставкиной, 1923.

² Речь идет о телеграмме, содержавшей просьбу к местным властям оказать содействие С. Н. Сергееву-Ценскому, И. С. Шмелеву и С. Я. Елпатьевскому.

27

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

(Симферополь. 19 февраля 1925 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Время от времени делал попытки добыть ваш адрес, и все не удавалось. На этих днях опять потянуло сделать это: перечитывал случайно кое-что из вашего, между прочим, «Университеты». А вчера Дерман сообщил мне, что вы и обо мне справлялись — спасибо за память. Главное дело — адрес есть — пишу.

Живу все в том же Симферополе, который возненавидел с первого дня приезда в него, с которым соединено столько кошмарно-тяжкого. А выбраться — нет возможности: здоровье жены, а особенно мальчика¹ приковывает. Собственно — надо бы уже передвинуться через горы к морю. Но это сейчас материально так трудно. Мне бы надо в Москву, хоть — и это трудно. Фу, как скверно — с нытья начал! Есть и хорошее, вот пьесу написал по прозванию «Пугачевщина». Очень нравится Немировичу. Взялся за нее с осени, чтоб поставить зимою, да, видно, и к весне не одолеют². Слишком уж это у них долго — 8 месяцев! Не помните ли, сколько времени готовили «На дне»? Кстати, видел у них «На дне». Поновому хорош Москвин, превосходит Александров — Актер. А ряд персонажей — бледные места: то молодежь бесцветна, то старички слиняли. Суха Настя — молодая героиня (это для меня тревожно: в «Пугачевщине» у нее главная роль)³. Но все это — не суть. Плакать хотелось не оттого. А оттого, что четверть века тому назад и пьеса, и актеры, и сам был молод. Жизнь утекла, и на дне не персонажи, а исполнители и зрители. А где автор? Как вы поживаете? Прежде всего — здоровье? Газеты одно время как-то нехорошо о нем писали. Потом опровергли. Как вы теперь? У меня вот с сынишкой возня, тревога: 16 лет ему, опасный возраст, а у него сильная интоксикация, и уже в легких нечисто. Не знаю, что и делать. У Дермана вы справлялись также о Ценском. Живет все там же. Доводит до конца «Преображение»⁴ и пишет пьесу о Лермонтове⁵; по осени писал мне: «заколот свинью, сидю на камню и глядю на пустую волну».

Ох, хотел бы повидать вас, погреться на вашем солнушке и обо всем поговорить. А читаете, какой у нас климат? По Неве суда ходят, а в Закавказье вьюги извели. Был в Москве о рождестве, — лодки плавают по реке, рыбку ловят. На нашем Крымском полуострове холодней, чем непосредственно за его пределами, в Таврии. Сейчас, впрочем, почти жарко. Следите ли за русской литературой? Как она вам? Что нравится?

Не посылаю вам свою «Пугачевщину»⁶: очень уж испорчена грубейшими опечатками. Вот выйдет 2-е изд.⁷ — пришло. А м^ожет б^ыть, вам какими-нибудь путями попало и 1-е? Как скверно теперь печатают! Впрочем, нас, старое наше, совсем не издают. Иногда это покажется обидным и неправильным. Но пораздумаешься — видишь — авторские обиды, не больше.

Жму крепко вашу руку!

Ваш К. Т р е н е в

Адрес тот же: Симферополь, Литовская, 15, Константину Андреевичу Треневу.

19.II.24.

Письмо датировано Треневым (1924 г.) ошибочно, так как Московский Художественный театр начал работать над пьесой «Пугачевщина» осенью 1924 г.

¹ Сын Тренева — Виталий Константинович Тренин.

² Ознакомившись с «Пугачевщиной», В. И. Немирович-Данченко телеграфировал в сентябре 1924 г. Треневу: «(С) огромным интересом прочел вашу „Пугачевщину“, прошу исключительное право для постановки (в) Московском Художественном театре» («Ежегодник МХАТ за 1948 г.», т. I. М., «Искусство», 1950, стр. 409).

Постановка «Пугачевщины» во МХАТе была осуществлена В. И. Немировичем-Данченко, В. В. Лужским и Л. М. Леонидовым. Репетиции пьесы начались 7 октября 1924 г. Премьера состоялась 19 сентября 1925 г.

³ В спектакле «Пугачевщина» роль Устиньи исполняла А. К. Тарасова.

⁴ «Преображение» — роман С. Н. Сергеева-Ценского в восьми частях. Часть первая «Валя» впервые была издана в Симферополе в 1923 г. Вторая часть под заглавием «Обреченные на гибель» впервые была напечатана в «Красной нови», 1927, №№ 9—12. Отдельной книгой обе части вышли в издании «Московского т-ва писателей» в 1929 г.

⁵ Пьеса Сергеева-Ценского «Поэт и чернь» (Дуэль Лермонтова). М., Цедрам, 1934.

⁶ Речь идет об издании: К. Т р е н е в. Пугачевщина. Картины народной трагедии. М., Мосполиграф, 1924. См. письмо 29, прим. 2.

⁷ Второе издание «Пугачевщины» вышло в 1927 г. (К. Т р е н е в. Любовь Яровая. Пугачевщина. Пьесы. М., «Недра», 1927).

28

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

(Симферополь. 14 декабря 1925 г.)

Дорогой Алексей Максимович!

Что-то — либо мое, либо ваше письмо не дошло по адресу: зная, что вы обычно отвечаете, и скоро, на письма, не допускаю, чтобы эта многомесячная пауза зависела от вас.

Я живу благополучно. Перенес тяжелую операцию — постановку пьесы в МХАТ. Бранили за нее и меня и театр, можно сказать, беспримерно¹. Кажется, и до сих пор страсти не улеглись. Но я не был ни на постановке, ни на последующих спектаклях, рецензий тоже почти не читал. Пережидаю все это в крымской деревне. Два здесь писателя-схимника: я и Ценский, которому сейчас живется материально туговато. Мы хотим его провести по КУБУ из 3-го в 4-й разряд. Это дало бы ему ежемесячное обеспечение в 60 руб., что для него — сам-друг, в своем углу — достаточно, чтобы спокойно работать. Так вот, нельзя ли, чтобы вы с своей стороны замолвили слово кому там следует. Я, признаться, не знаю наверно, кому именно персонально. Кажется, там Коган². Я одновременно пишу В. В. Вересаеву, чтобы он на всяк^{ий} случай сообщил вам — кто именно.

Я вам не послал «Пугачевщину», т^ак^ак^а все жду 2-го изд^ания. Очень уж испоганено 1-е.

Разрешите повторить просьбу прошлого письма³: некий переводчик Уманский из Вены взялся перевести «Пугачевщину», вел переговоры с берлинским, кажется, б. Королевским театром о ее постановке и вдруг замолчал и бесследно исчез. Не засватаете ли другого переводчика?

Со 2-м изданием пьесы вышла заминка: изд-во «Недра»⁴, переиздающее ее, прикрито, и неизвестно, чем и когда кончатся разговоры о его открытии. 1-е же изд. вам в свое время изд-во послало. Заканчиваю еще одну пьесу⁵. Обязательно пришлю вам.

А знаете, что Ценский написал пьесу о Лермонтове? ⁶ Интересная пьеса, хотя я ждал большего.

Крепко жму вашу руку и желаю вам здоровья. Как вы чувствуете себя сейчас?

К. Т р е н е в

Адрес все тот же: Симферополь, Конст<антину> Андр<еевичу> Треневу.
14/XII.

¹ Отзывы о пьесе «Пугачевщина», поставленной на сцене Московского Художественного театра, в большинстве своем были отрицательными. Тренев болезненно переживал неуспех пьесы.

Он неоднократно писал, что считает «Пугачевщину» неизмеримо выше «Любови Яровой». Лишь много лет спустя, в своем выступлении на Первом всесоюзном съезде советских писателей, Тренев признал, что основная причина неудачи «Пугачевщины» в Художественном театре коренилась в уязвимости ее идейной концепции.

В 1937 г. Тренев создал новую редакцию «Пугачевщины», в которой был углублен историзм пьесы, резко подчеркнута связь Пугачева с народными массами, отчетливее охарактеризованы социальные силы, участвующие в восстании.

² П. С. Коган.

³ Письмо не обнаружено.

⁴ «Недра» — издательское товарищество, существовало с 1924 г. по январь 1932 г.

⁵ «Любовь Яровая».

⁶ См. письмо 27, прим. 5.

29

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

<Симферополь.> 3/IV—26 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Благодарю вас за ваше письмо¹. Не знаю, получена ли вами «Пугачевщина». Я посылал².

Недавно вернулся из Питера, где был на ее постановке в Александринке³. Против ожидания поставили очень неплохо — массово, ярко, страстно. И только поэтому пьеса имеет там большой успех. А Художественный споткнулся. Вот и узнай тут!

Православные критики побранивают меня, что я не выдвинул в «Пугачевщине» рабочие массы. Хочу печатно ответить, что такой уж я капризный человек: не хочу и не желаю! Единственное мое оправдание: при Пугачеве рабочих не было. Были заводские крепостные крестьяне, даже не бросавшие хлебопашества и с той же крестьянской «идеологией» (рок-овое для слабых рецензентских голов слово!). Да еще бранят, что Пугачев не герой. Кабы ж я его, этого яркого садиста, родил! Чтение исторических документов часто заставляло вспоминать меткую характеристику, данную ему вашим Коноваловым⁴.

Пишу вам, только что отправив в Малый театр новую пьесу из эпохи гражданской войны⁵. Больше не буду. Не мое это дело. Рассказы нужно писать. А если пьесу, то — бытовую комедию. Надо писать о половых

отношениях. Мерзко, гнусно у нас с этим делом. Мало и плохо пишут у нас об этом. Нужна гневная сатира.

Спрашиваете о Ценском. Его дела сейчас очень неплохи. Переведен в 4-й разряд, усиленно печатается, пьесу его о Лермонтове я направил в 4-ю студию, где ее приняли к исполнению ⁶.

Укажите, Алексей Максимович, как добыть заграничное издание вашей последней вещи ⁷, о которой приходится только слышать и читать.

Как ваше здоровье? В прошлом письме вы что-то неладно обмолвились на этот счет. А портрет ваш в Ниве ⁸ как будто успокаивает. Смотрю я на него и остро хочется повидать вас. Не знаю, удастся ли это, где и когда. А очень надеюсь и шлю вам вместе с горячим пожеланием здоровья — до свидания!

Ваш К. Т р е н е в

Симферополь, почт(овый) ящ(ик) 201.

¹ Может быть, речь идет о письме Горького от 29 декабря 1925 г. В АГ сохранился лишь конверт этого письма.

² В личной библиотеке Горького находится экземпляр «Пугачевщины» (Мосполиграф, 1924) с дарственной надписью: «Алексею Максимовичу с большой любовью. К. Т р е н е в. 18/1 — 1926».

³ В бывшем Александринском театре в Ленинграде (ныне Ленинградский академический театр драмы им. А. С. Пушкина) «Пугачевщина» была поставлена в 1926 г. Ставили спектакль режиссеры Н. В. Петров, К. П. Хохлов и Л. С. Вивьен. В роли Пугачева выступил Я. О. Малютин. По сравнению с постановкой МХАТа здесь был сделан больший акцент на роли народной массы в событиях крестьянской войны.

«У меня (...) толпа — герой, а не фон, каким она была дана в МХАТе. Ленинградский театр Госдрамы это учел, и там пьеса имела успех», — писал Тренев в статье «Они учатся и учат других» (К. Т р е н е в. Избр. произв. в двух томах, т. 2. М., Гослитиздат, 1955, стр. 566).

самая большая радость
для меня, писателя, что
Вы, Алексей Максимович
среди нас.
К. Тренев
11/IV-34г.

ДАРСТВЕННАЯ НАДПИСЬ
К. А. ТРЕНЕВА ГОРЬКОМУ НА
СБОРНИКЕ «РАССКАЗЫ И ПЬЕСЫ»
(М., 1935):

«Самая большая радость для меня,
писателя, что Вы, Алексей Макси-
мович, среди нас. К. Тренев.
11/IV-34г.»

Личная библиотека Горького

⁴ Тренев имеет в виду следующие слова Коновалова: «Ах, шельма клейменная, — ишь ты! Царским именем прикрылся и мутит... Сколько людей погубил, пес!.. Стенька? — это, брат, другое дело. А Пугач — гнида и больше ничего» (т. 3, с. 26—27).

⁵ Речь идет о третьем варианте «Любови Яровой».

⁶ Постановка пьесы Сергеева-Ценского «Поэт и чернь» в 4-й студии Московского Художественного театра не состоялась.

⁷ Имеется в виду повесть Горького «Дело Артамоновых», выпущенная в декабре 1925 г. в изд-ве «Книга» (Берлин).

⁸ Речь идет о фотопортрете Горького, помещенном в «Красной ниве», 1926, № 13.

30

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

⟨Симферополь. 5 января 1927 г.⟩

Дорогой Алексей Максимович!

Разрешите обратиться к вам с просьбой.

Есть у меня две пьесы: «Пугачевщина» и «Любовь Яровая».

По вопросу о переводе их ко мне обращалось несколько заграничных переводчиков. Но как-то ничего из этого не выходило ¹. Один все манил германскими театрами, потом пишет, будто бы телеграфно заказал перевод нью-йоркский театр.

Не придаю этому никакого значения.

Не могли ли бы вы поруководствовать и помочь мне в этом? Есть еще какая-то фирма в Питере, предлагающая сдать ей для перевода все, что пожелает. Ничего я им не дал.

Новая моя пьеса, «Любовь Яровая», недавно прошла в Малом театре с большим успехом ². «Пугачевщина» же в Художеств⟨енном⟩ не имела успеха и, еле продержавшись сезон, снята. Объясняю это не только дефектами пьесы, но и очень странной постановкой и неудачей с заглавной ролью ³. По край⟨ей⟩ мере, в Александринке она была поставлена с большим успехом.

«Пугачевщину» я вам в прошлом году посылал. Не знаю, дошла ли.

Я живу все в Симферополе: держит в Крыму здоровье сына. Хотя надо сказать, как раз зимою он чувствует себя здесь скверно — температурит, оч⟨ень⟩ похудал — горе мое.

Как ваше здоровье?

Жму вашу руку.

К. Т р е н е в

Адрес: Симферополь, Ноябрьский бульвар, 33. Константину Андреевичу Треневу.

5/1 — 27.

¹ «Пугачевщина» на иностранные языки переведена не была. Переводы «Любови Яровой» на многие иностранные языки относятся к более поздним годам.

² Премьера «Любови Яровой» в Малом театре состоялась 22 декабря 1926 г. (постановщики — И. С. Платон и Л. М. Прозоровский. Художник Н. А. Меньшутин. В роли Любови Яровой — В. Н. Пашенная, Михаила Ярового — В. Р. Ольховский, Кошкина — П. М. Садовский, Шванди — С. Л. Кузнецов, Пановой — Е. Н. Гоголева и др.). «Правда» сообщала 15 января 1927 г. о том, что постановка «Любови Яровой» в Малом театре явилась «блестящей победой нашей молодой драматургии и старого актерского мастерства на революционном участке нашего творческого фронта».

³ Первым исполнителем роли Пугачева в спектакле МХАТ был И. М. Москвин. Актер видел в Пугачеве страстотерца, акцентировал в этом образе мотивы личной жертвы, трактовал идею участия в народной борьбе как нравственное очищение через страдание. Пугачев был недостаточно показан как вождь народных масс, талантливый военачальник.

31

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

Симферополь, Ноябрьский бульвар, 33.
29/XII <1927 г.>

Дорогой Алексей Максимович!

Давно уже написал я вам два письма и ответа на них не получил.

Не доходят ли письма или вы не отвечали?

Последнее мое письмо — была просьба — посодействовать мне в смысле перевода на европейск<ие> яз<ыки> своих пьес («Пугачевщина», «Любовь Яровая»). Уже несколько случаев было — обращались ко мне переводчики, но из этого ничего не выходило.

Писатели, ездившие за границу и устраивавшие там свои, даже не идущие на русск<ой> сцене пьесы, тоже говорят мне: вот вашими пьесами интересуется такой-то и такой театр. Но этими приятными разговорами дело и кончается.

Пишут, что приедете вы к нам скоро. Правда ли? Это очень нужно и нам и вам, пишущему о нас.

Вот ленинградск<ий> Госизд<ат> обратился, между проч<им>, и ко мне с предложением дать воспоминания о вас. Да вы же еще, слава богу, живехоньки! Надо видеть, приветствовать вас и выражать пожелания, м<ожет> б<ыть> не всегда для вас приятные, но нужные, нужные. А поминать нас ненужным добрым словом — и после смерти успеется.

Будьте здоровы и в таком виде приезжайте.

Ваш К. Т р е н е в

Адрес: Симферополь, Ноябрьск<ий>, 33. Констант<ину> Андр<еевичу> Треневу.

32

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

<Симферополь. 9 апреля 1928 г.>

Дорогой Алексей Максимович!

Топлю и свою горячую каплю в море приветствий¹, хлынувших на вас со всех концов земли.

Примите искреннее пожелание вам здоровья и светлой радости.

Во время оно вы так много сделали для моей души. Вы таким ласковым солнцем согрели мою только что вспаханную полосу! Если на этой полосе кое-что уродило, то вам причитается большой продналог!

Очень я люблю вас, Алексей Максимович! Крепко, глубоко, да еще и благодарно.

Но таков уж закон природы: если человек объясняется в любви, значит — неладно что-то. Неладное что-то делается с теми формами, которые принимает у нас ваш юбилей. И это причиняет тем, кто вас искренне любит, глубокую боль.

Приезжайте к нам скорей, сами увидите и выпрямите искривления.

С месяц тому назад я отправил, согласно вашего письма, на ваше имя пьесы мои («Пугачевщина» и «Яровая») ² и сопроводительное письмо (это на предмет перевода). Дошли ли?

Когда же вас ждать в Крыму? Напишите, пожалуйста, насколько можно точней, о месте и времени, где вас тут можно видеть.

Любящий вас К. Т р е н е в

Адрес: Симферополь, Ноябрьский бульвар, Константину Андреевичу Треневу.

9/IV — 28 г.

¹ В связи с 60-летием со дня рождения Горького и 35-летием его литературной деятельности. Юбилей Горького был отмечен в марте 1928 г.

² Возможно, речь идет о кн.: К. Т р е н е в. Пьесы. «Пугачевщина», «Любовь Яровая». М., «Недра». 1927. Упомянутого письма Горького и сопроводительного письма Тренева в АГ нет.

33

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

<Ментона. 13 июля 1930 г.>

Дорогой Алексей Максимович!

Виза, наконец-то, получилась ¹. Но... «приснился мужику кисель, да ложки нет» и т. д. К глубокому огорчению, теперь уж визой воспользоваться не могу: уповалось, что это получится в течение месяца, а н — завернуло на третий, и валюту, ассигнованную на Италию, я проел в прочих прилегающих к ней странах. Теперь я сына оставляю в Ментоне, где ему, крымчаку, очень пришлось по душе. Сам же, чтобы не оторвать у него две тысячи франков, еду прямо домой.

Вышло все это как-то по отношению к вам неладно: столько и зря надоедал и беспокоил!.. Но, по-моему, тут больше виноваты «живущие в прошлом» итальянцы. Мне ведь так хотелось взглянуть на Италию в настоящем! Ибо в будущем это уж наверное не удастся... Да и вас-то вот как хотелось видеть... Хотелось поговорить, да и насчет сына посоветоваться, ибо положение его сложно. Всем этим прошу извинить, что причинял вам хлопоты, держа курс на Италию (на которую я все-таки «взглянул»: Сан-Ремо из Ментоны-то видно!) Так некогда Моисей взглянул с горы Нево на землю обетованную и — в мире почил.

Целую вас К. Т р е н е в

13/VII.

Не собираетесь ли в Россию? ² Когда? А м<ожет> б<ыть>, есть какие поручения? Я пробуду в Ментоне еще с неделю, до выяснения положения сына.

Menton. Poste restante.

¹ В мае-июне 1930 г. Тренев в связи с болезнью сына, В. К. Тренева, находился в Германии и Франции.

В письме речь идет о визе на выезд в Италию, в получении которой Тренев просил посдействовать Горького. Горький откликнулся на просьбу Тренева, о чем, в частности, свидетельствуют письма последнего в Сорренто от 18 мая и 4 июня 1930 г. (АГ); однако, ввиду помех, чинимых итальянским консульством в Берлине, визы Тренев так и не получил (см. письмо 34).

² Горький приехал в Москву из Сорренто 14 мая 1931 г.

34

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

<Симферополь.> 10/VIII—1930 г.

Дорогой Алексей Максимович!

Не знаю, получили ли вы мое письмо из Ментоны с сообщением о неудавшейся моей поездке в Италию за истощением средств. Но — чтобы отчитаться — конечная-то причина — все та же виза: в послед<ний> день, когда я решил хоть возвратиться через верхнюю Италию, визы в Ментоне, вопреки обещанию берлинск<ого> консульства, не оказалось. Как сообщили мне в Берлине, она отправлена в Ниццу, а не в Ментону, где «консульства нет». Тогда как я в этом несуществующем консульстве пороги обил... Трудно поверить, даже итальянцам, чтобы они в берлинск<ом>

кон<сульст>ве не знали о существовании консульства в Ментоне. Я, по кр<айней> мере, вынес впечатление, что это — сознательное непущание нашего брата... Ну, и чёрт с ними. Еще раз извините, что зря вам причинил хлопоты. Одначе признаю себя не виновным, а потерпевшим. Знай я, что эта игра будет тянуться без малого 3 месяца, я бы не начал ее и вас бы не беспокоил.

Сына оставил в санатории в <нрзбр. 1 слово. — *Ред.*> (французские Альпы между Лионом и Женовой).

Остро сожалею, что не удалось повидаться с вами. Сами-то вы к нам не приедете? Это, по-моему, необходимо.

Обращаете ли внимание, как издает вас Госиздат? ¹ Я не помню ни одного издания, которое имело бы такую цинически гнусную корректуру. Но верх техники это 12—13 том. В чем дело? Букв что ли не хватает? Есть страницы, где чуть ли не каждая строка этих букв не досчитывается. Просто затрудняет чтение: то и дело надо расшифровывать слова (которые иногда имеют просто нецензурное, заборное начертание!)

Сердечный привет. К. Т р е н е в

¹ Речь идет о Собр. соч. М. Горького, тт. I—XXIII. М.— Л., ГИХЛ, 1928—1930.

35

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

<Сорренто. 4 сентября 1930 г.>

Да, Константин Андреевич, не удалось нам встретиться и побеседовать. А я был вполне уверен, что встретимся, итальянцы дали визы очень быстро.

То, что вы сообщили о корректуре моих книг, для меня — грустная новость. Сам я еще не видел этого юбилейного издания, но вижу — читаю много новых книг и совершенно поражен неряшливостью работы и корректоров, и редакторов, и типографии. Вот и мне попало!

Иногда книга вызывает такое впечатление, что невольно думаешь: работали вредители. Я часто пишу Халатову ¹ по поводу скверной работы с книгой, но он занят организацией дела, а к продукции — равнодушен что ли, не знаю! Думаю, что теперь, когда вся художественная литература переходит в «ЗиФ» ² Ионову, — книги будут издаваться более тщательно. Ионов хорошую книгу любит и ценит ³.

Я все что-то кисну, «печали и болезни вон полезли». Скучно это, да и времени нет хворать.

Крепко жму руку. Что вы пишете? Пьесу? Вам бы пора большой роман писать, опыт у вас огромный.

Привет.

А. П е ш к о в

Под письмом Горького Треневу ошибочно проставлена дата: 5.IX.30. Датируется по почтовому штемпелю на конверте.

¹ См. Горький — Григорьев, письмо 18, прим. 6.

² «Земля и фабрика» — государственно-акционерное издательское общество, существовавшее с 1922 по 1930 г. Издавало главным образом художественные произведения, мемуары и литературно-критические статьи. В октябре 1930 г. волилось в Государственное издательство «Художественная литература», созданное согласно Постановлению ЦК ВКП(б) об организации ОГИЗа и создании типизированных издательств. К этому времени вопрос о необходимости концентрации издательств, выпускающих художественную литературу, весьма назрел. Как это явствует из письма Горького, он полагал, что объединение будет осуществлено на базе «ЗиФ».

³ Илья Ионович Ионов (1887—1942) — видный издательский работник, поэт. В конце 1924 г. был назначен заведующим Госиздатом, был заведующим издательством «ЗиФ».

ТРЕНЕВ — ГОРЬКОМУ

<Москва. 30 марта 1936 г.>

Дорогой Алексей Максимович!

Поздравляя вас с шестидесятивосьмилетием, горячо, всем сердцем желаю вам здоровья на дальнейшие многие годы!..

Мне, Алексей Максимович, давно и очень хотелось повидаться с вами: накопился ряд вопросов, с которыми можно обратиться лишь к вам. Осенью, проезжая из Ялты в Севастополь, так и решил было завернуть к вам, но постеснялся надоедать.

А теперь вот еще один срочный большой вопрос, требующий свидания с вами. Это — в связи со включением меня в число 9-ти авторов в закрытый конкурс по работе над юбилейной пьесой к 20-тилетию Октября¹.

Дело у меня обстоит так, что без свидания с вами не может быть и речи о начале этой работы.

Я через неделю буду в Крыму, в Симферополе. Не разрешите ли проехать к вам?

Сердечный привет.

К. Т р е н е в

Адрес с 6-го апреля: Симферополь, Ноябрьский бульвар 33. Конст<антину> Андр<еевичу> Треневу.

30/III — 36 г.

¹ «Постановлением Совета народных комиссаров группе драматургов предложено было написать пьесу к 20-летию Великой Октябрьской социалистической революции с разрешением дать сценический образ Владимира Ильича Ленина, — писал Тренев в статье „Мои встречи с Горьким“. — Я взял тему „Октябрьская революция в Петрограде“» («М. Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955, стр. 369).

Тренев представил на конкурс пьесу «На берегу Невы». Пьеса была в 1937 г. опубликована издательством «Искусство» (М.). В том же году поставлена на сцене Малого театра (преьера — в ноябре 1937 г.), а также в Ленинградском академическом театре драмы им. А. С. Пушкина и в Ростовском-на-Дону театре им. М. Горького. Однако Тренев не прекращал работы над совершенствованием пьесы вплоть до 1939 г., стремясь прежде всего усилить звучание образа Ленина.

Одновременно с Треневым с пьесами, приуроченными к 20-й годовщине Октябрьской революции, выступили Н. Погодин («Человек с ружьем»), А. Корнейчук («Правда») и др.

ГОРЬКИЙ — ТРЕНЕВУ

<Тессели. Начало апреля 1936 г.>

Т е л е г р а м м а

Треневу. Симферополь. Ноябрьский бульвар 33. Жду¹. Г о р ь к и й.

Печатается по черновому автографу. Датируется по пометке Горького на этом листе: «Приедет в Симферополь 6-го апр<еля>» и по письму 36.

¹ Встреча Тренева с Горьким состоялась в начале апреля 1936 г. См. воспоминания Тренева «Мои встречи с Горьким» (Сб. «М. Горький в воспоминаниях современников». М., Гослитиздат, 1955, стр. 369—371).